

Элина Лисовская, Мария Роше

БЕРЕГИНИ

12+

Элина Лисовская

Берегини

«Автор»

2012

Лисовская Э.

Берегини / Э. Лисовская — «Автор», 2012

Берегини – так наши предки-славяне называли духов, охраняющих самое дорогое: дом, семью, любимых. И не случайно эти духи носили женские имена. Много песен сложено о бесстрашных вождях и воинах, об их завоевательных походах и подвигах. И так мало – о женщинах тех времен: верных подругах, заботливых женах, ласковых матерях, мудрых ведуньях. Эта история похожа на древнюю легенду о любви и ненависти, отваге и трусости, о тех, кто жертвовал собой ради друзей, и тех, для кого чужая жизнь ничего не значила. И о том, что порой обычные люди совершали то, что, казалось, под силу лишь всемогущим богам.

© Лисовская Э., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Элина Лисовская, Мария Роше

Берегини

Пролог

...Соленый морской ветер гнал по небу низкие, тяжелые тучи, взбивал белую пену, швыряя волны о прибрежные камни. Добравшись до суши, перекатывал мелкие камешки, гнул молодые деревца – и словно разбивался о женщину, неподвижно стоящую на пустынном берегу. Женщина эта была красива и молода, неумолимое время еще не обсыпало ее волосы белым снегом, но успело подарить ей силу духа, спокойствие и мудрость. Даже сейчас, когда пришла большая беда, она не позволяла отчаянию сломить ее волю: серые глаза смотрели на темное небо с надеждой, ожидая знака, посланного богами.

Женщина эта была ведуньей, и звали ее Йорунн.

Немало дней прошло после страшной битвы, которая принесла долгожданную победу. Уже достойно проводили в чертоги Одина тех, кто пал в сражении, и тех, чьи раны так и не удалось исцелить. Пришли в себя те, кому суждено было выжить, и только муж ее все скитался между двумя мирами и никак не мог решить, уйти ли ему в чертоги Одина или остаться среди живых. Дни и ночи Йорунн проводила рядом с ним, отвлекаясь ненадолго лишь для того, чтобы смешать новое снадобье да немного побыть с детьми. Спала она урывками, осунулась, побледнела, но сдаваться не собиралась. Будь ее муж стар и немощен, Йорунн молила бы Одина забрать его к себе и сама с радостью последовала бы за ним, как подобает верной и любящей жене. Но мужу ведуньи, как и ей самой, до старости было еще далеко, и Йорунн сражалась за него с присущим ей упорством. И не важно, что ее оружием было целительство, а противником – сама Смерть.

Время шло, надежды становилось все меньше, и в какой-то миг Йорунн поняла, что большие ничего сделать не может. И тогда она позволила себе ненадолго оставить любимого и отправилась к морю. Стоя на берегу, она плакала и молилась – северным богам, ставшим ей родными, и богам, которых почитала тогда, когда жила далеко отсюда и звали ее не Йорунн, а Любомира.

Семь лет назад это случилось. Но сейчас прошлое словно оживило и яркие образы пронеслись перед внутренним взором женщины...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ХЪЯР – ВИЙДФИОРД

...Испокон веков ведуньи жили наособицу – в лесу, рядом с поселениями. Общались с богами, лечили весчан¹ от разных недугов, проводили обряды, хранили лес. Разный люд бродил по лесным тропам, да и близость моря спокойствия не добавляла, поэтому маленький домик Любомиры был крепким и ладным, обнесенным высоким частоколом, который еще батюшка Огнь своими руками ставил, расписывал обережными знаками – чтобы и от зверей ограждал и от лихих людей. Четыре зимы уже не было его на свете, а память о нем все так же надежно стояла и истоиво берегла.

Любомира была сиротой. После того, как матушка ее ступила на Звездный Мост вслед за любимым мужем, не раз и не два жители ближайшей веси звали юную ведунью к себе. Даже из Радонца за ней присылали, обещали покои в княжеском доме и место за столом, да

¹ *Весь – небольшое поселение в древней Руси, часто примыкавшее к городу; его жители – весчане.*

только девушка, поразмыслив, выбрала остаться в опустевшем родимом гнезде, где она никогда не чувствовала себя одинокой. Были здесь с ней неразлучно и Велена матушка, и строгий батюшка, и дедушка – многомудрый Всевед, и все остальные щуры и пращуры. От людей Любомира не пряталась, жила тем, что дарил ей лес, да тем, что приносили в благодарность за исцеление. О ведунье говорили, что она не только разбирается в травах, но и понимает звериный язык – недаром за ней по пятам ходила лесная волчица.

Весчане Любомиру уважали, всегда встречали приветливо, и среди местных девушек у нее водилось немало подруг. Но ближе всех ей была Долгождана, младшая сестра радонецкого князя.

В конце весны, тихим, безветренным утром, море обрушило на прибрежное поселение лихую напасть, что иной раз страшнее любого шторма, – разбойных викингов. Их черные корабли здесь бывали нечасто, но память о принесенной ими беде еще долго потом заставляла жителей веси вскакивать по ночам от малейшего шума и прятать под лавки малых детей. Едва заслышав истошные крики и заметив переполох, Долгождана, накануне пришедшая на посиделки к подружкам, и еще несколько девушек успели по тайным тропам сбежать в лес к Любомире. Но все же спастись им не удалось: кто-то из чужеземцев заметил беглянок и кинулся следом, указывая дорогу другим. Укрывшись в доме ведуньи, перепуганные девчонки защищались как могли, понимая, что ничего хорошего в плену их не ждет. В разбойников летело все, что оказывалось под рукой: камни, поленья, даже глиняные горшки, но разве остановит это рослых, закаленных в боях северных воинов?

Долгождана видела, как Любомира исхитрилась полоснуть ножом схватившего ее рыжебородого верзилу и как она упала, оглушенная им. И слышала, как зашумели оставшиеся снаружи викинги, запоздало приметившие обереги на срубе дома и стоящих во дворе деревянных богов. И как их предводитель, зажимавший ладонью окровавленную щеку, в запале отдал приказ на чужом языке, в котором проскользнуло смутно знакомое слово «brann».²

А потом ее саму схватили, набросили на голову плащ, куда-то понесли... Долгождана не видела, как загорелся дом Любомиры, и не помнила, как оказалась на разбойничьей лодье. В чувство ее привел холодный морской ветер. Приподнявшись, она обнаружила, что лежит на сырой дощатой палубе, а рядом с ней – Любомира, бледная, неподвижная, до сих пор не пришедшая в себя. Еще две их подруги, Весна и ее младшая сестра Зорянка, тоже были здесь. Оглядевшись, девушка увидела волчицу Любомиры, Снежку, которая металась на привязи. Вокруг звучала чужая речь. Несколько воинов подошли ближе, стали разглядывать пленниц; один из них показал на Долгождану и что-то насмешливо проговорил, прочие расхохотались и одобрительно хлопнули товарища по спине.

Их веселье оборвал грубый окрик. Воины без особой охоты, но все же вернулись на скамьи, а перед девушками остановились двое – тот, с расплосованной щекой, пленивший Любомиру, и статный темноволосый викинг с удивительно красивым лицом. Судя по богатой одежде, вождь, решила Долгождана. Эти двое, похоже, спорили. Рыжебородый сердито мотнул головой и ушел, темноволосый усмехнулся и что-то крикнул ему вслед. Какое-то время спустя молодой, еще безусый воин принес миску с водой и чистую тряпицу. Вождь посмотрел на Любомиру и негромко, по-словенски велел Долгождане:

– Помоги ей.

Долгождана бережно обтерла бледное лицо подруги, чуть приподняла ей голову, попыталась напоить. Едва сделав глоток, Любомира закашлялась и открыла глаза. А мгновение спустя встретила взглядом с темноволосым, и на лице девушки отразилось удивление, сменившееся гневом.

² *Brann* – огонь (норв).

– Не бойся, Веленадоттир, – проговорил тот. – Вас не тронут.

Любомира сдвинула брови, отвернулась. Вождь что-то весело сказал молодому воину, тот рассмеялся, и они оба ушли. Молодая ведунья тихо застонала и уткнулась в плечо подруге.

– Он знает тебя, – прошептала Долгождана. – Но откуда?

Любомира вздохнула:

– Прошлым летом я подобрала этого северянина на побережье и выходила. Он умирал, и мне показалось, что Великая Мать нарочно привела меня к нему. Видимо, она хотела, чтобы этот человек остался жив. Некоторое время он жил у меня, потом исчез, не сказав ни слова. Если бы я только знала...

– Может, оно и к лучшему? – поразмыслив, сказала рассудительная Долгождана. – Теперь он добр к нам и не даст тебя в обиду, помня о том, что ты спасла ему жизнь.

– Зря не надейся, – усмехнулась Весна. – Путь будет долгим, а у разбойников память короткая.

– Погоди, – перебила ее меньшая сестренка. – Что если Долгождана права? Он ведь трогать нас запретил. И волчицу в живых оставил.

Любомира посмотрела на свою любимицу. Та, поймав ее взгляд, тут же легла смиренно, опустила морду на лапы. Девушка прикрыла глаза. Голова сильно болела, а внутри все сжималось от страха. Одним богам известно, чем для них обернется плен. Рыжебородый северянин не из тех, кто забывает обиды, а рана, полученная в бою от девчонки, будет болеть сильнее других. «Не покорюсь, – думала Любомира, пытаясь отогнать недобрые мысли. – Пока жива буду, не покорюсь».

Никто вовремя не прознал, не собрал скорых на расправу воинов, не кинулся в погоню, отбивать. Чужая лодья уносила пленниц все дальше и дальше от словенских берегов. Грубые мужские голоса, смех, скрип длинных весел да плеск за бортом – вот прежняя жизнь и закончилась, начиналась новая, неизведанная и оттого страшная. Вещуньями казались пролетающие над головой тоскливо кричащие чайки. Любомира горько усмехнулась: мечталось ей на большом корабле поплавать, вот и сбылась мечта. Только теперь ни ветер, ни облака, ни соленые волны не радуют. *Ох, Мать Великая, матушка милая, жаль, не научила зверем или птицей оборачиваться! Стать бы сейчас белокрылой чайкой, полететь на быстрых крыльях в Радонце, к Мстиславу-князю, о помощи попросить! Навек бы вороги проклятые запомнили, как на мирные поселения налетать...*

Долгождана прислушивалась к разговорам на корабле. Некоторые слова были ей знакомы и понятны, некоторые – нет. Раб, долгое время живший на севере, учил языку северян ее братьев. А ее не заставляли – девка ведь, к чему? Если бы знал любимый батюшка, куда занесет судьба его единственную дочь, велел бы и ей учить странное наречие, чтобы сумела в нужный момент понять, что ей уготовано.

Она старалась пока не думать о том, что ее ждет. Кто знает, как распорядятся мудрые боги? Может, плен окажется слаще немилого замужества, к которому готовила ее родня. А может, и нет. Как любил говорить тот самый раб с севера – поживем да увидим.

Долгождана была дочерью воеводы Мстислава, которого позже жители Радонца стали величать князем. Целых двенадцать лет его жена безуспешно пыталась родить мужу наследника; князь, отчаявшись, взял меньшицу, затем другую, стал отцом троих сыновей, но от любимой жены радости так и не дождался. И вот, на тринадцатом году ожидания Великая Мать сжалилась над княгиней и подарила ей дочь, которую счастливый отец так и назвал – Долгожданой. Правда, счастье его длилось недолго: княгиня после родов слегла и больше уже не встала... Тяжело переживал утрату немолодой князь и дочь единственную без меры любил и берег. Так и росла Долгождана, зная лишь отцовскую ласку да братскую заботу. Порой случа-

лось, что любопытной и озорной девчужке лишняя опека только досаждала, но зато батюшка не смел ни в чем ее поневолить и не пенял ей за то, что не хочет она замуж идти без любви.

А любовь к Долгождане не торопилась. Каждый год на княжеский двор засылали сватов, но красавица-княжна, едва завидев их, сбегала со двора и отправлялась в лес к давней подружке Любомире. Вот только прошлой весной старый князь умер, новым князем стал его старший сын, тоже Мстислав, который надумал побыстрее найти младшей сестрице мужа. Мол, и так забот полон рот, а тут еще жди, пока своевольнице полюбится кто-нибудь... Долгождана все поняла, когда заметила, что один из князевых ближников, здоровенный белобрысый парень, повадился каждый день ходить к ним на посиделки, да еще и с матерью, пронырливой остроглазой бабой, которая Долгождане сразу не понравилась.

И если бы не разбойничий набег, быть может, сидела бы сейчас Долгождана в девичьей, вышивала рубаху немилому жениху и долю свою оплакивала. С князем не больно-то поспоришь, даже если он тебе брат родной.

– Ормульв! – окликнул рыжебородого викинга один из северян. – Блир калдэре. Квиннэр бёр сэттес и лостеромме.³

– Фортэлль Асбьерн,⁴ – даже не взглянув на пленниц, ответил тот.

Вскоре темноволосый вновь подошел к сидящим на палубе девушкам. Молодой воин, приносивший им воду, был с ним.

– Сто упп. Встаньте.

Пленницы испуганно переглянулись, стали подниматься. Затекишие от долгого сидения и холода ноги слушались плохо, стоять по качающейся палубе было непривычно. Любомира, у которой все еще кружилась голова, неловко ступила, покачнулась и едва не упала – вместе с Зорянкой, вздумавшей ее подхватить. Хорошо, что молодой северянин шагнул вперед, удержал обеих.

Был он едва ли старше Любомиры, сероглазый, светловолосый. Такой возмужает – не одно сердце девичье растревожит. Пока старший помогал Долгождане и Весне спускаться в трюм, он стоял и разглядывал пленниц, и в глазах его не было ни насмешки, ни похоти. Одно только любопытство.

– Ва хейтер ду? – неожиданно спросил он, тронув за плечо Зорянку.

Девушка вздрогнула, опустила голову.

– Ва хейтер ду? – снова повторил северянин и показал на себя: – Эк хейтер Халльдор. Ва хейтер ду?

– Он спрашивает твое имя, – подсказала догадливая ведунья. – Ответь, а то ведь не отстанет.

– Зоряна, – прошептала девушка и крепче стиснула руку Любомиры. Назвавшийся Халльдором воин попробовал повторить чужое, трудное для него имя. Вышло очень забавно.

Но пленницы даже не улыбнулись.

Пол в трюме был сырой и скользкий, но все же здесь было гораздо теплее, чем на палубе. И не так страшно, хоть и совсем темно.

Еще три заплаканных девчонки сидели в полумраке, тесно прижавшись друг к другу. Увидев Любомиру с подругами, они растерялись, не зная, радоваться им или плакать еще горше.

– Чем мне утешить вас, милые? – шептала ведунья, по очереди обнимая каждую из них. – Не подвластны мне ветры лихие и волны быстрые, да и судьбу изменить не в моей власти.

³ Ормульв, становится холодно. Женщины должны быть в трюме (норв.).

⁴ Скажи это Асбьерну (норв.)

Одно скажу: просите Великую Мать о милости, чтобы перекинула нить нашей доли на доброе веретено...

Макошь, Мать Великая, ты на земле повсюду, где есть жизнь, значит, и здесь ты сейчас с нами. Не покидай нас, не оставь заступничеством своим!

Девчонки прижались к ней, словно ища защиты, а она продолжала нашептывать, подбадривать, утешать. И чудилось Любомире, будто Богиня рядом, улыбается одобрительно, и от этой ее улыбки на душе светлее становится, а страх и отчаяние прочь отступают, все дальше и дальше.

Усталость постепенно брала свое, и пленницы вскоре уснули. Долгождана спала урывками, вздрагивая от каждого шороха, и внезапно в кромешной тьме услышала шепот. Сперва показалось, что он доносится из-за перегородки, за которой сидели пленники-мужчины, но вряд ли словенам вздумалось бы говорить на чужом языке.

– Эк сарам эй, Веленадоттир. – Голос, звучавший откуда-то сверху, походил на дуновение ветра, но Долгождана ни на миг не усомнилась в том, кому он принадлежит.

– Нэй, – так же тихо ответила Любомира. – Вердр ат ви сэм ма.

– Ва скаль вер, – прошептала темнота, и все стихло. Молодая ведунья еле слышно вздохнула. По нескольким знакомым словам Долгождана поняла, что темноволосый северянин предлагал подруге бежать и что Любомира отказалась.

– Почему? – едва слышно спросила она. – Из-за нас? Стоило ли, Любомирушка? У каждой из нас своя судьба.

Та ответила не сразу.

– Не могу я вас бросить. – Девушка помолчала. – Да и Снежка моя здесь, как ее оставить? Потому – будь что будет. Все же я не дитя малое, беспомощное.

Потянулись дни, похожие друг на друга, как капли соленой морской воды. Сколько их было – неведомо, на второй седмице сбились со счета. Каждый день пленницам приносили еду и воду, чаще всего эту заботу брал на себя молодой Халльдор. По примеру старших он вел себя отстраненно, речей больше не заводил, но на Зорянку поглядывал. А однажды, проходя мимо, бросил ей на колени малую безделицу – деревянную свистульку-конька, и улыбнулся, увидев, как она подносит ее к губам. Любомира все дивилась: неужто и впрямь глянулась северянину девка? Вот только к добру это или к худу для Зорянки – одним богам ведомо.

Правду сказать, неожиданный подарок оказался чуть ли не единственным памятным событием за все время пути. Совсем бы затосковали пленницы, да на их счастье Любомира знала великое множество басен – и забавных, и волшебных. Они отвлекали от грустных мыслей, скрашивали серые дни.

Но вот однажды на лодье почудилось оживление. Воины чаще переговаривались, смеялись, пели, радостно что-то выкрикивали. Это значило только одно: их дом рядом. Девушки в трюме притихли: им окончание долгого пути ничего хорошего не сулило.

Ветер был попутным, и корабль не шел, а летел под парусом туда, где темно-серой скалой поднимался из моря остров Хьяр. Темноволосый Асбьерн и бородатый, кряжистый Вестар стояли на корме и разглядывали глухо рычашую на них белую волчицу.

– Я подарю ее нашему вождю, – сказал Асбьерн. – Он давно мечтал приручить такую.

– Хороший подарок, – согласился Вестар. – Говорят, когда-то давно волк спас прадеда Эйвинда конунга и его воинов от неминуемой гибели, и тот дал своему первенцу имя Ульв⁵. С той поры волки стали хранителями их рода. Тебе опять повезло, Асбьерн Счастливей!

⁵ Волк (норв.)

– Верно, – отозвался Асбьерн. – Впрочем, никто не жалуется, добычи много в этот раз. Твоя доля тоже велика: у девчонки красивое лицо и волосы, словно из золота. За нее дадут хорошую цену.

Вестар кивнул, помолчал, а потом проговорил, глядя куда-то в сторону:

– Ормульв сказал, будто волчица сама пришла на корабль. Если это правда, твой дар вождю не имеет цены. Завидная доля, не то что какая-то пленница. Хотел бы я поменяться с тобой удачей...

Асбьерн ничего не ответил, лишь едва приметно улыбнулся.

Ближе к вечеру ветер утих. Драккар подходил к острову на веслах, и воины, неотрывно смотревшие вперед, увидели, как на далеком скалистом берегу один за другим загорелись сигнальные костры. Вскоре уже можно было разглядеть и двор за высокой оградой, и собравшихся у самого края воды людей. Кто-то просто смотрел, кто-то приветственно махал руками.

Свое поселение на острове Хьяр северяне называли Стейнхейм – Каменный дом.

Сидевшие в трюме девушки не могли видеть, как уже возле самого берега воины на корабле затеяли бег по веслам – тут тебе и веселье и возможность похвалиться своими умениями. Пленницы не понимали, почему время от времени наверху раздаются дружные взрывы хохота и одобрительные крики. Не видели они и то, как вышедшие встречать драккар женщины беспокойно ходили вдоль кромки воды, пытаясь высмотреть на палубе своих мужей. Но вот корабль дрогнул, под днищем заскребло, качка прекратилась. Кто-то из девушек судорожно всхлипнул.

Любомира первой поднялась на ноги. Голос ведуньи был тверд и спокоен:

– Не дайте им радости видеть ваши слезы.

Асбьерн первым сошел на берег. Там его уже ждал высокий светловолосый воин в крашеном плаще – молодой вождь Эйвинд конунг⁶.

– Здравствуй, побратим! – крепко обнял его Асбьерн. – Наконец-то мы дома.

– И вернулись со славной добычей, – добавил подошедший Ормульв.

– Добрые вести, – слегка улыбнувшись, ответил Эйвинд. – Мы вас заждались. Буря недавно прошла мимо и повернула на юго-восток. Я уж думал, волны прибьют к берегу одни обломки, но, видимо, боги снова благоволят нам.

– Так и есть. На обратном пути мы попали в шторм и корабль отнесло туда, где прошлым летом на нас вероломно напали словене. Мы взяли там много рабов, – проговорил Ормульв. – А еще Вестар приготовил тебе подарок. Гляди!

Воины вытаскивали на берег маленькую взъерошенную белую волчицу, которая упиралась всеми четырьмя лапами и свирепо скалила зубы.

– Волчица принадлежала одной из пленниц, – проговорил Асбьерн. – Она бежала за ней до самого корабля.

– Вот как? – удивился конунг.

В этот момент по сходням стали сводить словенских девчонок. Против обыкновения, они не сопротивлялись, не плакали. Последней шла высокая темноволосая девушка в мужских портах и рубахе, расшитой причудливыми узорами. Остальные старались держаться поближе к ней, хоть она и не была среди них старшей.

Конунг бросил мимолетный взгляд на пленниц, но ничего не сказал. Он высматривал кого-то на корабле.

⁶ *Конунг* (др.-сканд. *konungr*) – верховный правитель в древней Скандинавии.

– Где Халльдор, ярл⁷? – наконец спросил он у Асбьерна. – Опять с моим братом что-то случилось?

Асбьерн негромко рассмеялся:

– Было дело: во время шторма смыло его с палубы, но я прыгнул следом и люди Ормульва живо нас вытащили. К слову, и он с добычей. Видишь тощую беловолосую девчонку? Когда Халльдор принес ее на корабль, она визжала и кусалась, как дикий кот. Но он усмирил ее, даже ни разу не ударив.

– Велика доблесть – справиться с девчонкой! – поморщился конунг.

– Он и в бою сражался достойно, – ответил Асбьерн. – Любой скажет, что это так.

Наконец появился и Халльдор. Он сошел на берег одним из последних и сразу направился к старшему брату. Эйвинду показалось, что юноша немного взволнован или даже смущен.

– Рад видеть тебя, Халльдор. – Конунг крепко обнял его. – Асбьерн говорит, в походе удача благоволила тебе. Что скажешь?

Юноша ответил:

– Я обязан жизнью Асбьерну, потому не мне рассуждать об удаче. Но вернулись мы с хорошей добычей. Это так.

Ярл одобрительно улыбнулся, положил ладонь ему на плечо. Халльдор хотел еще что-то добавить, но тут краска бросилась ему в лицо и он замолчал.

– Я слышал, ты привез пленницу, – подсказал догадливый конунг.

– Пленников много, – кивнул юноша. – Трое крепких мужчин, несколько красивых девчонок. Мы славно повеселились, когда некоторые из них вздумали с нами драться. Я даже подумал, что такие отчаянные заслуживают лучшей доли, чем рабство.

– Да просто одна из них тебе нравится! Не зря же всю дорогу ты не сводил с нее глаз, – хмыкнул Ормульв.

– Было на что поглядеть, – спокойно ответил Халльдор, – ведь нечасто девчонки вместо того, чтобы жалобить нас слезами, хватаются за оружие. Лучше скажи, что за воин нанес тебе рану, Ормульв Гуннарссон?

Теперь залился краской рыжебородый хёвдинг⁸.

– С каких это пор поленья и глиняные горшки называют оружием? – проворчал он. И сердито махнул рукой, услышав в ответ дружный хохот побратимов.

– Выходит, словенская девчонка так ловко приласкала тебя поленом? – сквозь смех поинтересовался Эйвинд. – Она и впрямь заслуживает свободы, Гуннарссон!

– Правду сказать, – отсмеявшись, проговорил Халльдор, – я бы оставил себе самую младшую. Все равно датчане не дадут за нее много серебра. Но это не мне решать, а тебе, брат.

Эйвинд конунг внимательно поглядел на него, затем перевел взгляд на белокурую пленницу:

– Хочешь взять ее как жену или как рабыню?

Юноша, не раздумывая, ответил:

– Рабыня мне не нужна.

– Гляди, как бы такая жена в первую ночь не вонзила нож тебе в спину! – фыркнул Ормульв. Но Халльдор сделал вид, будто не услышал его слова.

– Что ж, – проговорил Эйвинд, глядя на младшего брата, – проси, чтобы кто-нибудь назвал своей сестрой или дочерью словенскую девушку и дал ей новое имя. Ему и заплатишь свадебный выкуп, когда соберешь его, как положено.

⁷ Ярл (др.-сканд. Jarl) – высокий титул в средневековой Скандинавии. Первоначально означал племенного вождя, позже ярлы стали доверенными лицами конунга.

⁸ Хёвдинг (höfðing или hofðing) – вождь у германских и скандинавских народов. Он избирался, и титул хёвдинга не наследовался.

Когда довольный решением Халльдор ушел, конунг повернулся к побратиму:
– Хорошо бы требовать выкуп побольше. Чтобы у обоих было время подумать.

Все, что было добыто в походе, выносили из трюма на берег – морскому коню нужен отдых, но перед этим следовало освободить его от груза. Раскладывали на холстинах легкие теплые меха: лисьи, куньи, беличьи; выносили свернутые ткани, кожаные тюки, лен и пеньку, скатывали по мосткам бочонки с солониной, зерном и медом, с особым бережением выкатили пару бочек с дорогим заморским вином. Позже придет конунг со старшими, все пересчитают да определят, что пойдет на обмен или продажу, а что пригодится в хозяйстве или станет наградой тем, кто на этот раз проявил больше доблести и отваги.

Ближе к ночи с опустевшего корабля убрали мачту и вынесли на берег вырезанного из дерева дракона, грозно глядевшего с форштевня в чужих краях. До следующего плавания дубовая лодья простоит в корабельном сарае – недолго, ибо впереди было лето, время морских походов к дальним берегам.

В надвигающихся сумерках остров казался словенским девчонкам вершиной Железной горы, восставшей из кромешной тьмы Исподнего мира. Куда ни глянь – черные скалы да валуны, похожие на головы великанов, камни, покрытые пятнами лишайника да птичьими отметинами. Не радуют глаз зеленые поля, не видно густых лесов, а глаза поднимешь – сквозь вечерний туман белеет холодный склон: снег, поди, не тает на нем даже летом. И за крепким частоколом темнеют покатые крыши домов – все чужое, незнакомое, страшное.

Матушка-земля родимая, доведется ли вновь тебя увидеть?

Когда пленников увели, Эйвинд конунг велел своим хёвдингам собраться в дружинном доме, а сам задержался возле сундуков с оружием. Здесь его и нашел Асбьерн.

– Ты должен знать, – сказал он так, чтобы другие не слышали. – Одна из пленниц и есть та девушка, которая прошлым летом спасла мне жизнь. Я рассказывал о ней, когда вернулся.

– Помню, – сдвинул брови конунг. – Хорошо же ты отблагодарил ее за спасение!

– Вышло так, что ее пленил Ормульв. Это он заметил девчонок, убегающих в лес. Я нашел их укрывище уже разоренным и охваченным огнем. Успел вынести из горящего дома ведуньи только сундучок с травами и настойками, а на берегу возле корабля увидел ее волчицу, которую пытались поймать трое наших воинов. Она прыгала и скалила зубы, но не убегала, хотя лес был совсем рядом. Когда я накинул на нее веревку, она зарычала, но пошла за мной, словно собака.

– Наверное, волчица тебя помнила, – сказал Эйвинд. – А пленница?

– Она тоже. – Асбьерн помолчал. – Я предлагал ей бежать, но она отказалась. Не захотела бросать подруг.

– Вот как? – усмехнулся конунг. – Словенка оказалась честнее тебя, Эйдерссон, раз не стала сговариваться за спиной у своих.

– Знаю, потому и хотел попросить тебя. – Ярл посмотрел в глаза побратиму. – Помоги мне вернуть ей свободу. Неблагодарных не жалуют люди и сурово карают боги. Надолго ли тогда хватит моей удачи?

Эйвинд задумался.

– А что Ормульв? – спросил он. – Ты говорил с ним?

Ярл кивнул:

– Я дважды просил его отпустить ведунью, и первый раз – когда корабль еще не отошел от берега. И дважды он отказался. Думаю, Ормульв был зол на девчонку из-за царапины на щеке. А еще из-за того, что его люди видели, кто пустил кровь их хёвдингу.

Некоторое время Эйвинд молчал, глядя на спокойное темно-серое море, не тронутое рябью, на далекий горизонт, из-за которого уже подкрадывалась к острову короткая бесцветная ночь. Потом вдруг повернулся к побратиму и лукаво прищурился:

– Ты сказал, что волчица пошла за тобой. Почему же не ты, а Вестар преподнес мне столь щедрый подарок?

В дружинном доме Эйвинда и Асбьерна уже ждали хёвдинги Сигурд и Ормульв, молодой Халльдор и еще нескольких воинов, с которыми конунг привык держать совет. Им предстояло решить, как поступить с добычей, особенно с пленниками. Вождь соседей-датчан Вилфред охотно брал ткани, меха, оружие и щедро платил за привезенных издалека рабов. Но для морских походов и сражений нужны были воины, а число живущих в Стейнхейме уже который год оставалось прежним. Почти прежним.

– Мы можем продать всех пленников датчанам, – сказал Эйвинд, – но корабли сами не поплывут и хирдманны⁹ не смогут грести двумя веслами сразу. Мы и раньше находили тех, кто приносил клятву верности в обмен на свободу. И еще я подумал о женщинах... Этой зимой у нас на острове выжило всего двое новорожденных, обе девчонки. А в прошлом году дети вообще не рождались. Некому вынашивать и рожать крепких, здоровых сыновей. За молодых рабынь хорошо платят, но, может, лучше оставить нескольких для наших мужчин? Что скажете?

– Взять жену можно, но куда ее привести? – возразил седобородый Сигурд. – В семейном доме нет свободных покоев.

– Сделаем пристройку, как раньше, – отозвался Халльдор. – Глины и камней на острове хватает.

– Другие земли искать надо, – проворчал Сигурд. – Давно говорю вам об этом.

– Надо, – согласился Эйвинд. – Но я поклялся отцу вернуть землю, принадлежавшую нашим предкам, на которой теперь хозяйничают люди Олава Стервятника. И где твоих родных, Сигурд, возможно, называют рабами.

– Что проку в женщинах, если дети умирают от голода! – сердито отмахнулся старый хёвдинг.

– Не только от голода, – покачал головой конунг. – Все наши травницы и ведуны остались на острове Мьолль. Кроме Хравна, но он уже стар и немощен, к тому же привык исцелять раны воинов, а не детские хвори и женские недуги.

– Среди пленниц есть ведунья. – Асбьерн посмотрел на Ормульва. Хёвдинг промолчал, только Сигурд спросил:

– С чего ты взял?

– Все видели: дом ее стоял отдельно от прочих, а во дворе было святилище словенских богов. И на рубахе пленницы вышиты ведовские обережные знаки. И именно за ней прибежала из леса белая волчица.

– Подумаешь! – усмехнулся кто-то из воинов. – Прикормила дикого зверя.

– Пусть так, – прищурил синие глаза Асбьерн и, подойдя к дверям, позвал одного из воинов, Хаука. – Только сами поглядите, что я нашел в ее доме.

Хаук принес большой деревянный ларец с резной крышкой и хитрым замочком. По бокам ларца вилась причудливая обережная роспись, местами затертая, местами выцветшая от старости. Внутри тесными рядами были уложены свернутые холстины разной ширины, льняные, расшитые каждый своим узором мешочки, от которых шел травяной дух, и небольшие глиняные сосуды. Несколько мешочков лежали отдельно – на них было вышито, как сперва показалось воинам, черное солнце.

⁹ Вошны из дружисны конунга (ярла).

– Ивар, ты сам из словен. – Асбьерн повернулся к одному из старших хирдманнов. – Что скажешь?

– Это не солнце, – проговорил Ивар, внимательно поглядев на вышивку. – Это Черная луна, знак Мораны. Видно, здесь ядовитые травы, которые умеют использовать во благо лишь ведуны. И ножи эти не для хозяйства. – Он показал на маленькие рукояти, выглядывающие из плетеных ножен. – Видите, серп выбит на одной стороне? Тоже знак Мораны, богини смерти и колдовства. А с другой стороны – знак Макоши, Великой Матери, дарующей жизнь. Так и должно быть: ведуны между Жизнью и Смертью стоят, с тем и другим дело имеют.

– Видно, что ларец колдовской, – хмуро проговорил Ормульв. – Только не пойму, с чего вы взяли, что он принадлежит той темноволосой девчонке?

Асбьерн задумчиво посмотрел на хёвдинга:

– Ларец был незаперт, когда я его нашел. Но если есть замок, значит, есть ключ. А у кого он может быть, как не у хозяйки?

– Пойдем да проверим, – сказал Эйвинд.

Ормульв промолчал, только помрачнел еще больше.

В сарае было темно и прохладно. Пахло сушеной рыбой и старой соломой, за перегородкой шумно вздыхали и шелестели подстилкой не то овцы, не то козы.

– Точно ли нас хотят продать кому-то еще? – шепотом спросила Долгождана.

– Я слышала, они говорили о датчанах, – ответила Любомира. – И о том, что за нас дадут много серебра.

– Значит, мы недолго пробудем на острове. И кто знает, увидимся ли еще.

Снаружи послышались громкие голоса и шаги. Лязгнул засов, скрипнула открывающаяся дверь и знакомый голос произнес:

– Ком хэр. Выходите.

Пленницы испуганно озирались и при виде незнакомых мужчин норовили спрятаться одна за другую. Эйвинд оглядел их и спросил по-словенски, стараясь правильно выговаривать слова на чужом языке:

– Которая из вас ведунья?

– Я, – отозвалась Любомира, бесстрашно взглянув на конунга. Он увидел, что глаза у нее похожи на северное море – такие же темно-серые и такие же яростные.

– Люди на острове зовут меня Эйвиндом конунгом, – спокойно сказал он. – Как мне называть тебя?

– В доме, который сожгли твои воины, меня звали Любомирой, – ответила она.

– Хаук! – позвал вождь. И, показав на ларец, который принес расторопный воин, спросил у пленницы: – Это твое?

Девушка бросила мгновенный взгляд на Асбьерна и молча кивнула.

– Если так, – сказал конунг, – покажи нам ключ от него и расскажи, что за травы хранятся в ларце.

– А ты, вождь, в травах разбираешься или на слово поверишь? – спросила она, не поднимая глаз. Кто-то из девушек за спиной Любомиры тихо ахнул. Асбьерн усмехнулся: он-то успел узнать нрав словенской ведуньи, пока она залечивала его раны.

– Я верю, что настоящие ведуны не причиняют вреда без надобности, – словно не услышав дерзких слов, проговорил Эйвинд. – А в моей смерти тебе надобности нет.

Любомира молча сняла с шеи крепкий шнурок с маленьким медным ключом, подошла к Хауку, державшему ларец, привычным движением продела дужку в петли, замкнула замок и повернула ключ. Потом отступила назад и вздохнула:

– Обо всех зельях тебе рассказать, или хватит того, что там хранятся ядовитые травы, несущие смерть неосторожному, но в умелых руках помогающие победить хворь?

Вождь переглянулся с побратимом и хёвдингами, а потом спросил:

– Что ты умеешь, словенка? Я говорю не о том, ловка ли ты у печи и тонка ли твоя пряжа. Насколько ты хороша как целительница?

– Спроси у своего воеводы. – Любомира посмотрела на Асбьерна. – Лучше всяких слов о моем даре расскажут тебе его шрамы. Хотя порой я жалею, что не могу залечивать раны без следа.

– И правда, жаль, – негромко рассмеялся Эйвинд. Лоб и левую бровь вождя пересекал глубокий шрам – нашелся целитель, постарался, чтобы след от раны остался ровный и не испортил красивое лицо. Вряд ли сама Любомира сумела бы сделать лучше.

– Она многое может, – торопливо проговорила Весна, испугавшись, что вождь северян не поверит подруге. – Бывало, лечила и воинов, и стариков, и детей. Даже хворую скотину ставила на ноги. Все мы шли к ней за помощью.

Любомира молчала.

– Почему на тебе мужская одежда? – полюбопытствовал конунг. Девушка смущенно оглядела себя, неловко повела плечами:

– Когда прибежали девчонки, я в лес собиралась, за травами. Так ходить сподручнее.

– На твоём месте, Ормульв, я бы отпустил пленницу, – после недолгих размышлений проговорил Эйвинд на языке северян. – Если она получит свободу и по своей воле станет помогать нашим людям, то и пользы принесет больше и тебе уважения добавит. Что скажешь?

– Она и так будет делать все, что велено, – хмуро отозвался рыжебородый хёвдинг.

– С такой совладать непросто, – заметил Асбьерн. – Недаром у словен говорят, что и один человек может привести коня к водою, но даже целая дружина не заставит его пить. Как бы потом не пришлось зашивать тебе другую щеку, Гуннарссон.

– И не таких уламывали, – сердито ответил Ормульв, чувствуя, как кровь опять приливает к лицу. – Вот увидишь.

– А давай проверим! – неожиданно усмехнулся ярл. – Сможешь ее поцеловать – она твоя. Нет – ее судьбу решит Эйвинд конунг. И пусть боги будут свидетелями нашего уговора.

Ормульв удивленно глянул на него, а потом рассмеялся.

– В другой раз придумай что-то получше, Асбьерн Хитроумный, – небрежно бросил он и направился к Любомире.

– Эй, Ормульв, возьми щит да крепко свяжи девчонку, – присоветовал насмешливый ярл. – А то неровен час покалечит.

Мужчины захохотали, и рыжебородый хёвдинг сердито рывкнул на зубоскалов. Едва он подошел, Любомира, не спуская с него глаз, метнулась в сторону. Ормульв попытался было схватить ее, но не сумел: словенка проворной рыбешкой ускользнула из рук – и раз, и другой, и третий... Всегда ловкий и изворотливый в бою северянин даже растерялся, в очередной раз ухватив цепкими пальцами воздух. А когда услышал, как посмеиваются над ним друзья, рассвирепел и, изловчившись, поймал девушку за кончик косы. Но Любомира не стала дожидаться, пока хёвдинг наматает косу на кулак. Быстро присев, она ударила его ребром ладони по ноге ниже колена, а затем вскочила и, прихватив косу рукой, что было сил рванулась прочь. Ормульв потянулся за ней... и неожиданно охромел. Нога отказалась повиноваться хозяину и подкосилась, заставив северянина тяжело упасть на одно колено. Боль плеснула кипятком, отозвалась судорогой в мышцах. Отчаянно выругавшись, он попытался подняться и почему-то не смог.

А Любомира живо выдернула кончик косы из его пальцев и, отбежав в сторону, спряталась за спиной конунга. Тот поглядел на Ормульва, на побратима и махнул рукой:

– Боги были свидетелями вашего уговора. Я забираю ее у тебя, Ормульв Гуннарссон. И в другой раз, когда попадется девчонка с норовом, послушай мудрого совета Асбьерна: свяжи ее и возьми щит.

Взрыв хохота разнесся по двору. Отсмеявшись, Асбьерн протянул Ормульву руку:

– Не держи зла. Я не ради своей выгоды просил за нее.

– Откуда ты знал? – выдохнул Ормульв, с трудом поднимаясь. – Не иначе сам пробовал лезть к ней с поцелуями.

– Зачем ему? – усмехнулся седобородый Сигурд. – И так от женщин отбоя нет.

Над крышами домов плыли в вечернем воздухе клубы сизого дыма: поодаль на берегу топили баню, поэтому северяне разом оживились, когда с той стороны стали выкрикивать их имена. Эйвинд конунг велел Хауку унести ларец, а про пленниц сказал:

– Накормите их, и пусть отдохнут до утра.

Мужчины уже повернулись, чтобы уйти, но тут Любомира окликнула темноволосого:

– Асбьерн! Скажи, где моя Снежка?

В этот раз она говорила на языке северян, и многие удивились, поскольку не знали, что этот язык ей знаком.

– Кто? – переспросил Эйвинд, обернувшись.

– Моя волчица, – пояснила девушка. Серые глаза с мольбой взглянули на конунга: – Прошу, не убивайте ее!

Какое-то время Эйвинд молча смотрел на ведунью. Потом ответил:

– Волчицу подарили мне, и я ее не обижу, потому что с давних пор волки хранили мой род.

И ушел с остальными.

На сытый живот прежние страхи уже не кажутся страшными, а печаль и тоска – безысходными. Перекусив свежими ржаными лепешками и рыбой, подруженьки, к огорчению Любомиры, не угомонились, а затеяли перешептываться в темноте, болтать-перебалтывать произошедшее. Любомира только вздыхала, слушая их: лучше б заснули, дали подумать о том, что было сказано да подмечено. Но, видно, после всех событий спать девушкам расхотелось.

– Ишь, как оно повернулось, – проговорила Загляда. – Повезло Любомире.

– Где ж повезло-то? – отозвалась Краса. – Видали, земля тут какая? Может, и к лучшему, если нас увезут отсюда: неохота зимой с голоду помирать.

– Зато вождь здешний в обиду не даст. – Весна вздохнула, обняла меньшую сестренку. – Знать бы еще, какую долю приготовили нам боги в чужом краю.

Девчонки замолчали, задумались. Но тут Долгождана приподнялась, тронула подругу за плечо:

– Как его зовут, воеводу тобой спасенного?

– Асбьерн, – ответила Любомира.

– Ты и прежде его имя знала?

– Нет. Он тогда Гестом назвался, – нехотя проговорила ведунья, которую опять отвлекли от размышлений. – Гест на языке северян значит «гость». Не всякий на его месте стал бы открывать свое настоящее имя. Да и я, не зная, чего ожидать от чужака, назвалась ему дочерью Велены – Веленадоттир.

– А он красивый, правда? – повернулась к ней с другой стороны Ярина. – Высокий, статный, волосы темные, а глаза – что небо вечернее... И воин, видно, хороший. Любомира, а у него жена есть?

– Не знаю. Поспали бы вы...

– А с чего вдруг рыжебородый так взъярился? Прочитать тебя хотел?

Любомира снова вздохнула:

– Асбьерн поспорил с ним, что если Ормульв не сможет меня поцеловать, то должен будет уступить меня конунгу.

– А он знал, что ты его понимаешь, да?

– Да. Хватит болтать, ведь поднимут ни свет ни заря поутру. – В голосе ведуньи послышалась досада.

– Ловко же ты этого рыжего обвела! – Девчонки захихикали. – Хвать, хвать – и мимо! Аж взопрел весь!

– Как бы он потом тебе это не припомнил, – шепнула подруге Долгождана. Любомира рассеяно кивнула. Девичья болтовня мешала ей: ни подумать, ни уснуть.

– Я думала, северяне все как один лютые звери, – снова подала голос Ярина. – А они не похожи на зверей. И красивые есть... как тот парень, что Зорянке конька подарил.

– А вождь? Глаз не оторвать! Хоть и молодой, но все его слушают.

– Я бы такого с радостью обняла. – Загляда подтолкнула в бок соседку. – Родится сын – такой же пригожий будет.

– Да уйметесь вы или нет! – прикрикнула на них Любомира. Подруги еще немного пошептались и, наконец, притихли.

А вскоре тишину ночи прорезал тоскливый волчий вой.

Ярко и весело горел огонь в выложенном камнями очаге. Вернувшиеся из похода воины, утолив голод и выпив ячменного пива, радовали вождя рассказами о том, как повстречали в море одинокого купца, поскупившегося на хорошую охрану, и как угодили в шторм, который по воле случая отбросил их к словенским берегам. Эйвинд конунг, как обычно, сидел на почетном месте, справа от него – Асбьерн и Хальддор, слева – Сигурд и Ормульв. Недалеко от Асбьерна, чуть в стороне от накрытых столов, дремал на скамье седобородый старик в меховом плаще и длинной рубахе, расшитой рунами. Это был Хравн, служитель Одина, единственный в Стейнхейме ведун.

У его ног лежал огромный лохматый пес, и время от времени старик протягивал руку, чтобы погладить его густую светло-серую шерсть. Пес принадлежал конунгу, и Эйвинд называл его Вард – друг верный.

Разговор снова вернулся к добыче.

– Когда ждать гостей из Готланда? – спросил ярл у побратима.

– Уговор с Вилфредом был, что он придет незадолго до праздника летнего солнцестояния. Пригонит обещанный кнорр¹⁰, привезет на нем ткань для парусов, смолу, гвозди и доски.

– Должны еще зерно привезти, – добавил Ивар Словенин.

– И нам теперь есть чем расплатиться. – Эйвинд конунг поднялся с места. – Этот рог я поднимаю за удачу и храбрость ярла Асбьерна, Ормульва хёвдинга и за верность и отвагу всех хирдманнов!

Слова Эйвинда были встречены одобрительным гулом. После того, как рог прошел по кругу и все выпили пива, подал голос Ормульв:

– С датчанами надо быть осторожнее. Вилфред хёвдинг слова не нарушал, но его люди обидчивы и постоянно ищут ссоры.

– Повода не давать, себя не бесчестить, – ответил Эйвинд. – На то вожди есть, чтобы споры решать.

¹⁰ Кнорр (норв. Knörr) – корабль викингов, использовавшийся для перевозки большого количества припасов и снаряжения. Кнорры были более широкими и вместительными, но развивали меньшую скорость.

– Оружие по обычаю спрячем под замок и проследим, чтобы люди Вилфреда сделали так же, – добавил Асбьерн. Хмель совсем не брал темноволосого ярла, словно он и не пил наравне со всеми. Только глаза его время от времени начинали блестеть.

– А что же Хьярти молчит? – повернулся он к своему хёвдингу. – Или его поход не принес никаких новостей?

– Принес, – ответил Эйвинд. – Его снекка¹¹ вернулась намного раньше, как раз перед бурей.

– Мы нашли хорошие земли на западе, в одном из фиордов, – проговорил Хьярти. – Расспросили рыбаков, которые ловили в море треску. Раньше там стояло много домов, но налетела какая-то хворь и земли почти опустели. Люди боятся туда плыть. Умелец Вагн начертил весь путь до фиорда и отметил, где нужно остановиться и повернуть, чтобы не сесть на мель. Залив узкий, защищен скалами, как наверху, так и под водой, но, если хорошо знать дорогу, даже загруженный кнорр пройдет. Близко к берегу мы подходить не стали – нас было слишком мало.

– Правильно сделали, – кивнул Асбьерн.

В это время пес Эйвинда насторожил уши, поднял голову и глухо рыкнул. Воины прислушались: где-то во дворе протяжно выла волчица.

– Добрый знак, – проговорил Сигурд. – И новость хорошая.

Утром словенских девчонок привели к дружинному дому. Не всех – только Любомиру, Долгождану и перепуганную Зорянку. Конунг вышел к ним вместе с Халльдором, чуть позже явился Асбьерн и еще один воин, немолодой, с густыми русыми волосами, заплетенными в короткую косу. Удивительный народ северяне, подумала Долгождана. Девушки ходят просто-волосые, а мужчины – одни бреют бороду и усы, другие косы плетут... Дома бы таких на смех подняли.

Конунг окинул девчонок взглядом, что-то негромко сказал, и Халльдор подошел к Зорянке, стал что-то говорить на чужом языке. Ничего не понимающая девушка с мольбой посмотрела на Любомиру, но та не успела ей ничего объяснить – Асбьерн перевел слова молодого воина. Халльдор давал свободу юной пленнице и просил воина по имени Ивар назвать ее своей дочерью, чтобы было с кем говорить о свадебном выкупе – мунде.

Зорянка от услышанного словно онемела, испуганно округлила глаза. А когда Халльдор взял ее за руку, вдруг начала всхлипывать и растирать по щекам слезы.

– Не плачь, – на словенском сказал девчонке Ивар и погладил ее по голове. – Никто тебя здесь не обидит.

– Теперь слово о тебе, ведунья.

Услышав голос конунга, Любомира взглянула недоверчиво, не зная, чего ожидать. А Эйвинд вернул ей ларец вместе с ключом и сказал так:

– Я даю тебе свободу в надежде, что ты отплатишь добром за добро и милостью за милость. Люди на нашем острове часто болеют. Им нужна твоя помощь.

– А подруги мои как же? – невольно вырвалось у нее.

– У всех своя судьба, – ответил Эйвинд. – Ее можно принять или попытаться изменить.

Губы девушки дрогнули:

– Мужчине проще изменить судьбу, вождь. Но ты знаешь, о чем говоришь. – Любомира повернулась к Долгождане, чувствуя, как радостное волнение сменяется тревогой. Она и правда не знала, что сказать, как подбодрить – все нужные слова, словно малые птицы, вспорхнули и улетели невесть куда.

¹¹ Снекка (от *Snekja* – змея и *Kar* – корабль) – корабль викингов, украшенный головой змеи. Был по размеру меньше, чем драккар.

– Эйвинд, ты вчера спрашивал, почему волчица оказалась не у меня, а у Вестара, – проговорил Асбьерн.

Он прошел мимо всхлипывающей Зорянки, мимо Любомиры, растерянно прижимающей к груди тяжелый ларец, и положил ладонь на плечо Долгожданы:

– Теперь скажи, не прогадал ли я, обменявшись добычей?

Ивар Словенин хотел показать названной дочери ее новый дом, и Асбьерн велел ему взять с собой Долгождану. Когда подруг увели, а ярл и Халльдор ушли в дом, Любомира осмелилась спросить у Эйвинда:

– А мне куда прикажешь идти, вождь?

– Позовите Смэйни, – велел конунг кому-то из воинов. И пояснил: – Эта рабыня много лет прожила среди словен, прежде чем попала на север. Будешь при ней.

Оставшись одна, Любомира поставила ларец на землю и крепко задумалась. Накануне ночью она видела во сне свою мать, Велену, и себя лет семи от роду. Сидели они рядышком на пороге их дома, лесные птицы клевали зерна у них с ладоней, а Велена говорила:

– Небывалый дар у тебя, доченька: сама Великая Мать говорит с тобой и через тебя – со своими детьми. Береги его, ибо мало кому он дается. А сохранить его и того труднее.

– Как же сберечь его, матушка?

– Слушай свое сердце. Люби все, что Матерью создано, и тогда не то что птицы – дикие звери из твоих рук есть будут. Но никогда не используй свой дар во вред другим, для своей корысти. Богиня может призвать тебя туда, где твой дар нужнее всего, но куда бы судьба ни занесла тебя, Великая Мать всегда будет рядом – убережет, поможет, утешит, а то и вразумит. И везде, где Она есть, там и твой дом.

– Я никуда отсюда не уйду, – смеялась Любомирушка. – Мне и тут хорошо.

Ничего не сказала тогда Велена, лишь улыбнулась и погладила дочь по волосам цвета густого гречишного меда. И во сне Любомира поняла: мать знала о том, какая судьба ее ждет.

А если знала, что ж перед смертью о беде не упредила?

Кто-то тронул ее за плечо; оглянувшись, девушка увидела маленькую, сухонькую старушку в темно-сером платке. Лицо ее избороздили морщины, но голубые глаза оставались молодыми и ясными, как у девчонки.

– Ты, что ли, ведовица будешь? – полюбопытствовала старушка. – А зачем на тебе порты мужские? Стыд-то какой... но ничего, я тебе платье сейчас подберу. Звать-то тебя как?

– Любомирой дома звали, – ответила девушка, кланаясь ей по словенскому обычаю. И неожиданно улыбнулась: – А тебя Смэйни звать, матушка?

– Смеяна Глуздовна, – ответно поклонилась старушка. – А Смэйни меня вождь назвал, когда маленький был. Имя мое не мог выговорить, возьми да скажи: нянька Смэйни... Так и пошло с тех пор. Ну, идем, что ли?

– Идем, Смеяна Глуздовна. – Девушка подхватила ларец с травами. – А куда?

– За длинным домом есть пристройка отдельная, недалеко от покоев конунга. Там наш ведун живет, а я при нем в услужении, – торопливо объясняла Смэйни. – За стариком присмотреть, помочь, ежели что.

– Матушка, – удивилась Любомира, – если здесь есть ведун, зачем я им понадобилась?

– Видела бы ты Хравна – не стала бы спрашивать, – махнула рукой старушка. – Он родился раньше, чем дед нашего конунга, а когда начал служить отцу Эйвинда, Торлейву Щедрому, его длинная борода уже была наполовину седой. Он и жив до сих пор лишь потому, что не дождался того, кому силу свою передаст.

Они обошли дружинный дом, напомнивший Любомире огромный перевернутый корабль, покрытый сверху темно-серой соломой. Сбоку к нему, словно небольшая лодья, прилепилась избушка, слепленная из глины и камня.

– В длинном доме конунг живет со своею дружиной. Туда женщины могут приходить только на хустинг, по-нашему – вече, или во время праздничного пира, – рассказывала Смэйни. – Или ежели вождь сам позовет. Второй дом, что поменьше, поделен пополам: на одной половине – покои женатых воинов, другая половина – женская. В самом маленьком доме живут рабы и рабыни, их немного на острове. Где держат овец и коз, ты уже знаешь. А на берегу в сарае стоят корабли. Туда даже не суйся: здесь говорят, мол, дурная примета!

– А в баньку-то женщинам можно? – с надеждой спросила Любомира.

– А как же! – рассмеялась старушка. – Пойдем, провожу.

Жена Ивара ждала мужа на пороге дома – невысокая, красивая женщина с внимательными и строгими глазами. Из-под аккуратно повязанного платка виднелись пряди темных волос, слегка тронутые сединой.

– Унн, встречай еще одну дочь. – Ивар отпустил руку Зорянки и подтолкнул девушку к названной матери. – Завтра Халльдор придет говорить о выкупе. А это, – он показал на Долгождану, – та, о которой рассказывал Асбьерн.

Женщина оглядела девушек и сдержанно улыбнулась. Ивар сказал:

– Мою жену зовут Уинфрид, но мы называем ее Унн. Слушайте ее, потому что она здесь старшая.

У очага на низенькой скамеечке сидела молодая женщина со ступкой в руках, лицом очень похожая на Унн. Услышав шаги, она подняла голову и с любопытством взглянула на девушек.

– Это Герд, моя старшая дочь. – Унн говорила по-словенски не так чисто, как Ивар, но речь ее звучала мягче, чем у прочих северян. Похожим образом произносил слова и темноволосяй Асбьерн.

Герд приветливо улыбнулась и продолжила свое занятие. Тут со двора в дом вошла рослая смуглолицая девушка, сразу напомнившая Долгождана дев-воительниц из чужеземных басен. Такую легко было представить летящей по ратному полю верхом на коне и сметающей на своем пути вражеских воинов. Ее прямые темные волосы были стянуты на затылке ремешком, а пронзительные черные глаза смотрели сурово и властно.

– Ольва, – обрадовалась Унн, увидев девушку, и взгляд воительницы потеплел, смягчился. – Смотри, кто тут у нас. О них надо позаботиться. Пусть вымоются как следует и выстирают свою одежду. И если Арнфрид еще не закончила полоскать белье, поторопи ее.

– Хорошо, – кивнула та и обратилась к словенкам: – Вы понимаете по-здешнему?

– Я немного, – ответила Долгождана. – А Зорянка – нет.

– Ничего. Быстро научится. Идите со мной, я поищу, во что вас переодеть.

Собрав чистую одежду в узел, девушки следом за Ольвой обошли дом, выбрались за ворота и направились к берегу моря, туда, где стояла баня. По дороге им встретились молодая женщина и три девушки, несущие выстиранное белье. Увидев Ольву и недавних пленниц, они остановились.

– Унн говорила о тебе, Арнфрид, – сказала Ольва женщине. – Велела поторопить.

– А это кто? – Арнфрид поправила сбившийся платок и поудобнее перехватила корзину. Две юные девушки, почти девочки, подошли ближе, удивленно разглядывая заплетенные косы и расшитые платья словенок. Третья, медноволосая красавица, медленно проплыла мимо, покачивая бедрами. Смерила Долгождану оценивающим взглядом и, усмехнувшись, пошла себе дальше по тропинке наверх.

Имя «Зорэна» девочки – Ингрид и Хельга – запомнили без труда, а имя второй пленницы даже выговорить не смогли, поэтому без особых затей прозвали ее Гольтхэр – Золотоволосая.

В доме ведуна Смэйни приготовила Любомире постель на широкой лавке возле двери. Ее собственное спальное место было ближе к очагу, возле перегородки, за которой стояла деревянная кровать, накрытая меховыми одеялами. Сейчас она пустовала – старый Хравн еще затемно уходил к морю встречать рассвет, а потом до полудня неторопливо бродил по берегу или стоял, опираясь на посох и грея спину под теплыми солнечными лучами. Пока Смэйни сутилась по хозяйству, разомлевшая после бани Любомира переплела косу, а потом открыла ларец и принялась раскладывать по порядку мешочки с травами.

– Что там у тебя? Поди, бусы да колечки? – любопытствовала старушка. – Ох ты... Зелья! Приворотные?

– Нет, Смеяна Глуздовна, – улыбнулась девушка. – Приворотные можно составить, на то большого ума не надо, только ни любви, ни счастья они не принесут, коли против воли привораживать. А моими зельями разные хвори лечат. Эти от застуды и кашля. Эти травы кровь затворяют. А вот эти – женские боли снимают. И прочее, разное.

– А волшебная симтарин-трава у тебя есть? – услышала она суховатый смешок и, подняв глаза, увидела стоящего на пороге Хравна. Смэйни подхватила, освободила место на лавке рядом с Любомирой. Та хотела было подняться да поклониться как заведено, но старик положил ей руку на плечо, удержал. Некоторое время ведун пристально вглядывался девушке в лицо. Потом еле слышно вздохнул.

– Мне сказали, что ты некрасива, да вижу, неправда это, – проговорил он. – Оно понятно: у северян темноволосые красивыми не бывают. Но твоя красота – словно свет солнечный, сердце согревает. Добрую судьбу выткали тебе Норны.

– Спасибо... батюшка Хравн, – смущенно ответила Любомира, не зная, как следует обратиться к служителю Одина. Тот снова тихонько рассмеялся:

– Я тебе не в отцы, скорее уж, в деда гожусь. Зови лучше дедушкой. А вот как тебя называть теперь, – старик задумчиво нахмурил брови, а потом снял с пояса потертый кожаный мешочек, – пусть подскажут всезнающие боги.

Он с трудом – пальцы слушались плохо – развязал шнурок и протянул раскрытый мешочек Любомире:

– Отец богов и людей Один научил нас гадать на священных рунах. Выбери одну себе, только не спеши. Возьми ту, которая сама тебя выберет, тебе одной отзовется.

Любомира послушно опустила руку в мешочек, перемешала гладкие прохладные камешки и вдруг замерла: удивительно теплым, почти горячим показался ей один из них. Его она и вытащила, положила на ладонь, любуясь строгим, четким узором.

– Руна Йо, или Эйваз, – проговорил Хравн. – Великое древо Иггдрасиль, связывающее все миры, божественные и человеческие. Сила природы, покоряющая смерть. Надежда и избавление от страха. Избранный этой руной передает Богам наши молитвы и помогает услышать ответы на них, оберегает и хранит тех, кто нуждается в помощи. Потому твое прежнее имя останется в сердце, полном любви ко всему живому, а здесь отныне тебя будут звать Йорунн – владеющая руной Йо.

– Йорунн, – шепотом повторила девушка, словно примеряя новое имя. Хравн хотел сказать что-то еще, но слова обернулись сухим, навязчивым кашлем. Старая Смэйни с тревогой глянула на ведуна, но тот отмахнулся и проворчал:

– Поживу еще...

В женском доме без дела не сидели: свободная ли, рабыня ли – работы хватало всем. Еще не привыкшую к своему новому положению Зорянку посадили за прялку, Долгождане при-

несли узел с чистыми рубахами: что порвалось – зашить, что прохудилось – залатать. Некоторое время Унн наблюдала за ней, потом подошла и негромко сказала:

– Вижу, руки твои хоть и белы, но ловки и умелы. Кем ты была у себя на родине, Гольтхэр?

Княжна не ответила. Новое прозвище не нравилось ей, казалось обидным. Старшие братья называли по масти коней и собак – Пегая, Воронок, Подпалый... Унн вздохнула, расправила зашитую ею рубаху, показала девочкам, Ингрид и Хельге – смотрите, мол, как надо – а потом ласково потрепала девушку по щеке:

– Завидна судьба у той, что не только красива лицом, но и в работе проворна.

Долгождана едва не расплакалась. Как же, завидна... на чужом берегу чинить чужие порты!

Ближе к вечеру дочери Унн стали собирать на стол, а сама хозяйка принесла теплые одеяла и стала готовить два новых спальных места на лавках, стоящих вдоль стен. Тогда-то впервые и подала голос медноволосая Лив:

– Разве словенская рабыня не должна спать там же, где остальные рабы?

– Ты-то спишь здесь, – ответила ей Ольва. – Чем она хуже?

– Для меня у ярла особое слово, – усмехнулась Лив. – Он велел мне жить в этом доме, а вам – принимать меня как равную. А эта рабыня...

– Замолчи, – оборвала ее Унн. – Одним богам известно, что на уме у Асбьерна, но знай, что ему не нравится, когда Гольтхэр называют рабыней.

Она расправила на постелях пушистые одеяла, еще раз глянула на недовольное лицо Лив и вышла из дома. Через некоторое время вернулась и с порога окликнула Долгождану:

– Гольтхэр! Ступай во двор, тебя ждут.

Первая мысль была о Любомире. Девушка отложила шитье, воткнула иглу в моток ниток и бросилась к двери. Распахнула ее – и обмерла.

А темноволосый ярл, увидев ее, сказал:

– Идем со мной.

Шли молча, и Долгождана едва поспевала за широко шагающим Асбьерном. Любопытство, но еще больше страх снедали ее. Наконец она не выдержала, схватила ярла за рукав и негромко спросила:

– Куда ведешь, воевода?

– К Хравну, служителю Одина, – ответил он. – Заодно и подругу проведаешь.

У Долгожданы отлегло от сердца, и она решилась спросить еще:

– Не прогневайся, дозволю узнать... для чего я тебе?

Асбьерн остановился, повернулся к девушке и несколько мгновений молча смотрел на нее. Потом сказал:

– Твоя подруга остается на острове, и мне не хотелось вас разлучать. Да и кто отпустил бы такую красоту... – Он протянул было руку, чтобы коснуться ее волос, но Долгождана отступила на шаг, и ярл, еле слышно вздохнув, направился дальше в сторону длинного дома.

Дверь маленького домика скрипнула. Любомира, прилаживавшая посудину над очагом, подняла голову, ахнула, увидев подругу, и кинулась ее обнимать.

– Асбьерн Счастливым, – проворчал из своего угла потревоженный ведун, – с чем нынче пришел ко мне? Хочешь знать, что принесла тебе твоя удача?

Любомира, заметив красавца-ярла, отпустила Долгождану и, поклонившись гостю, вернулась к очагу. Асбьерн проводил ее взглядом и обратился к Хравну:

– Что скажешь, отец?

Служитель Одина ответил:

– Скажу, что не прогадал ты, Асбьерн Хитроумный, обменяв волчицу на дочь словенского конунга. Если пожелаешь, можешь требовать за нее богатый выкуп.

Какое-то время Асбьерн молчал, обдумывая услышанное. Долгождана смотрела то на него, то на Любомиру, то на всезнающего ведуна, и ей казалось, что над головой уже раскрываются паруса, несущие корабль обратно к родимому берегу. Странно только, что на душе от этого стало и радостно и немного грустно.

– Нет, – наконец качнул головой Асбьерн. – Не нужен мне выкуп. – И добавил негромко: – Сам бы его заплатил.

Толком не разобравшая северную речь Долгождана поняла только одно: домой она не вернется. А Любомира с немалым изумлением взглянула на ярла. *Матерь Великая, да неужто он...*

– Славная дарительница любви, – прикрыв глаза, нараспев произнес старый Хравн, – прекрасная Фрейя, нисходящая к нашим молитвам! Я слышу, как проносится мимо твоя колесница, и вижу нежность и красоту златокудрой дочери Ньёрда в этой словенской девушке. Потому отныне пусть все зовут ее Фрейдис – в честь богини, которая к ней благосклонна.

– Хорошее имя, – похвалил Асбьерн. – Спасибо, отец.

На обратном пути, уже возле женского дома, ярл вдруг замедлил шаг:

– Скажи, княжна, почему прошлым летом ваши люди напали на нас? Мы ведь пришли тогда под белым щитом и зла никому не желали.

– О чем ты? – удивилась Долгождана.

– Эйвинд конунг послал меня и Ормульва договариваться о мире со словенскими князьями. – Асбьерн пристально смотрел на нее. – Но в первую же ночь словене подожгли мой драккар, перебили половину хирдманнов, да и меня отправили бы к Хель¹², если бы не молодая ведунья.

– Не было такого, воевода! – уверенно возразила девушка. – Гонец с побережья прискакал к вечеру. Княже Мстислав, брат мой, с гриднями своими утром к вам собирался, потолковать. А когда они прибыли, то увидели, что корабля нет, только мертвые тела возле берега волны качают. Братья долго тогда гадали, что пришлые промеж собой не поделили и почему прочь ушли.

– Вот как? – Ярл схватил ее за плечи, прищурил внимательные глаза: – А не врешь?

– Так братья говорили, – испуганно прошептала Долгождана.

Асбьерн отвел взгляд, медленно разжал пальцы:

– Не хотел пугать, прости... Точно ли князь в ночи никого не подсылал?

– Для чего, воевода? Мстислав говорил, мол, договор с северянами, что торговый, что военный, – дело хорошее, нужное. Еще батюшка наш наставлял его.

Ярл помолчал. А потом велел ей:

– Ступай в дом, Фрейдис. И позови ко мне Унн.

По своему обыкновению, Любомира проснулась до рассвета. Стараясь не шуметь, оделась и выскользнула во двор, некоторое время постояла, прислушиваясь, а потом ноги сами понесли ее за высокий частокол, к берегу. Великое Северное море лениво перекачивало темные волны, и Любомире казалось, будто оно присматривается к ней.

Девушка обогнула высокую скалу, по еле заметной тропинке проскользнула между замшелых валунов и осторожно спустилась к воде. Не отрывая взгляда от светлеющей полоски неба, Любомира расплела косу, аккуратно подоткнула платье, чтобы озорная волна не намо-

¹² Хель (др.-сканд. Hel) – повелительница мира мёртвых, Хельхейма.

чила подол, и зашла по колено в воду. Босые ноги схватило холодом, зябкая дрожь прошла по телу до самой макушки.

Здравствуй, Мать-Вода! Не гневайся, не пугай, а узнай меня и прими. Я дитя Великой Матери. Твое дитя...

Девушка вернулась на берег и чуть погодя зашла снова, прислушиваясь к своим ощущениям. На этот раз вода не показалась такой холодной. Напротив, ласково обняла ноги, обволокла белой пеной.

Любомира тряхнула головой, и волосы рассыпались по спине. В женских волосах сокрыта живительная сила, полученная от Небесных Богов и от самой Матери-Природы. И должна была эта сила обернуться благом для тех, к кому привела ее судьба.

Позволь ступням твоим стать землей, позволь ногам твоим стать водой, позволь своему телу превратиться в воздух, позволь золотому огню войти в твои глаза и заполнить тебя всю. Будь нигде и в то же время везде, услышишь голос Великой Матери, и мир откроет тебе любящие объятия. А когда в полную силу войдешь, сможешь слышать, как малая травинка растет, как туман в далеком лесу с ветвей капает. Только храни свое сердце, свою душу и мысли свои в чистоте...

Так учили Любомиру родители.

Девушка подняла руки и словно растворилась в ярких лучах восходящего солнца.

Даждьбог на своей колеснице сменил в небе любимую жену, Утреннюю Зарю, выпустил золотых рыбок в морские волны, осыпал медными искрами длинные волосы Любомиры, теплым светом залил суровые камни. И все вокруг внезапно стало таким красивым, что девушка рассмеялась, подхватила в ладони воду и подбросила сверкающие капли навстречу солнцу.

– Йоруууунн, – ласково пропел свежий морской ветер.

– Йоооорунн, – прошелестела волна.

– Йоррунн! – пронзительно крикнула чайка.

Молодая ведунья улыбнулась. Великая Мать приняла ее новое имя.

На острове просыпались с первыми лучами солнца. Рабы выгоняли из сарая коз и овец, рыбаки отправлялись в море на лодках, женщины и девушки начинали свою повседневную работу. Воины в любую погоду выходили из дружинного дома легко одетыми и босыми, по команде старшего бежали к морю, окунались в прохладную воду, выбравшись на берег, продолжали бег, потом брали в руки оружие и щиты. Молодые и малоопытные вставали против тех, кто был закален в боях, хёвдинги ради выучки или потехи устраивали поединки между собой. Самые младшие – двое мальчишек лет семи-восьми – осваивали луки и учились сражаться на палках под присмотром Ольвы. Стреляла она лучше многих хирдманнов, да и в бою могла постоять за себя, и с оружием и без. Но в походы ее не брали. Говорили, мол, женщина на боевом корабле – к большой беде.

С утра в женском доме готовили на всех сытную кашу из зерен ячменя. Старики ели отдельно у себя в доме, поэтому Смэйни послала Любомиру к Унн за кашей и свежим козьим молоком. По дороге ее окликнули. Обернувшись, девушка увидела стоявшего неподалеку Асбьерна.

– Утро доброе, воевода, – приветливо поклонилась ведунья.

– Доброе. – Ярл склонил голову в ответ. Потом чуть тише добавил: – Не держи на меня зла. Не хотел я, чтобы все так обернулось.

– Твоей вины здесь нет, – отозвалась девушка. – А за заботу спасибо тебе, Асбьерн. Я буду просить Великую Мать, чтобы она и впредь хранила тебя... и Эйвинда конунга.

Асбьерн ничего не ответил. Но, заметив Унн, подозвал ее и сказал:

– Уинфрид, эту девушку зовут Йорунн. Прошлым летом она спасла мне жизнь.

Унн поставила на землю глиняный горшок с еще теплым молоком, подошла и крепко, по-матерински, обняла молодую ведунью.

Волчица металась по клетке. Ее раздражали незнакомые запахи, громкие голоса, а более всего то, что спрятаться от чужих глаз было некуда. Время от времени издали Снежка видела свою подругу-человечицу, но та, хоть и смотрела в ее сторону, близко не подходила. И волчица прекрасно знала, почему. Неподалеку, словно воин в дозоре, сидел исконный враг волчьего рода – огромный, лохматый, отвратительный пес. По разумению волчицы, если бы не он, человецица давно подошла бы к ней, поговорила, приласкала. Но предавший свободу мог броситься на ту, что любила и понимала волков, и Снежка знала, что не сможет ее защитить. Волчица коротко, зло твякнула. Достать бы клыками несносного, оттрепать хорошенько и бежать подальше отсюда, в густой лес, в тенистую чашу...

Пес с интересом наблюдал за волчицей. Предки его с давних пор защищали людей от матерых хищников, и голос крови твердил: перед тобой враг, которого нужно убить. Но Вард привык больше доверять своему чутью, а оно говорило, что волчица обессилела, что ей страшно и она в отчаянии. Пес видел, что еда в клетке осталась нетронутой и что к площадке с водой пленница подошла всего один раз. Своим собачьим умом он понимал, что безысходность заставляет волчицу метаться по клетке, огрызаясь на каждый шорох с его стороны. Ничего, думал он, привыкнет. И каждый раз садился все ближе и ближе.

Днем Халльдор пришел к Ивару Словенину говорить о свадьбе. Девушки сидели во дворе – пряли, вышивали, перебирали зерно, потому видели, как эти двое разговаривали возле женского дома, а потом не спеша направились к ним. Зорянка засуетилась, едва не выронила шитье, придвинулась ближе к сестре.

Арнфрид обнял ее за плечи:

– Они решили, какой будет мунд, но без твоего согласия свадьба не состоится. Сейчас отец спросит, хочешь ли ты стать женой Халльдора. Скажи ему «да».

Зорянка растерянно смотрела на подруг, почти ничего не понимая из того, что говорит ей молодая женщина. Долгождана объяснила:

– Они будут спрашивать, согласна ли ты выйти за северянина. Если откажешь – неволить не станут.

Ивар подошел к названной дочери, взял ее за руку и сказал по-словенски:

– Вот Халльдор сын Ванланда, хоть и не кровный, но перед богами признанный брат нашего конунга. В жены взять тебя хочет. Люб ли он тебе?

Зорянка, пунцовая от смущения, подняла на Халльдора голубые глаза и еле слышно пролепетала:

– Люб...

Халльдор заулыбался, что-то весело сказал Ивару. Но тут девушка заговорила снова:

– Только по обычаю младшая сестра не может прежде старшей замуж идти. Так что, пока Весна мужней не станет, я, батюшка названный, за сына Ванланда не пойду.

Ивар слегка растерялся. Халльдор, которому передали слова невесты, перестал улыбаться и огорченно вздохнул. Но все равно полез за пазуху, вытащил нитку бирюзовых бус и протянул Зорянке. А потом сказал ей несколько слов и попросил Ивара перевести.

– Давным-давно жила девушка по имени Сванвид – Белая Лебедь, о красоте которой ходят легенды, – проговорил Ивар. – Халльдор хочет назвать тебя в память об этой девушке, потому что ты так же красива. И еще потому, что твое словенское имя ему трудно выговорить.

Еще никто не называл Зорянку красивой и не дарил ей цветастых бус. Она была на три лета моложе сестры, проводившей свою семнадцатую зиму, и парни, приходившие звать на

посиделки Весну, в ее сторону не смотрели. Потому-то теперь от нахлынувшей радости она не нашла, что ответить, только прижала подарок к груди, словно испугавшись, что отберут.

– Вот что, – поразмыслив, решил Ивар. – Плохо, когда невеста и жених не понимают друг друга. Халльдор будет приходить по вечерам, чтобы научить тебя и твоих подруг языку северян. А ты, Сванвид, и ты, Фрейдис, будете учить Халльдора говорить по-словенски. И польза всем и забава.

– Что ты задумала, глупая? – напустилась на сестренку Весна, едва мужчины ушли. – От счастья отказываться! А если силой возьмет или другую найдет, поговорчивее?

– Она не глупа, а хитра не по годам, – вступилась за Зорянку Долгождана. – И если выйдет по её, ты останешься с нами на острове.

Обида похожа на болезнь тем, что редко проходит в одночасье. Но Ормульв хёвдинг уже спустя самое малое время мог спокойно вспоминать о словенской ведунье и говорить о ней с конунгом и его побратимом. Как-то он сказал Эйвинду:

– Я слышал, у Барди приболела жена, но он не захотел отвести ее к Йорунн.

– Почему? – спросил конунг. – Барди сам решил сделаться знахарем и лечить женские хвори?

– Люди не доверяют чужеземной ведунье. Боятся, что она наведет порчу, исподволь станет колдовать, чтобы причинить зло. В ее ларце видели ядовитые зелья, потому никто не решится выпить приготовленный ею отвар. А после нашего с Асбьерном спора начали поговаривать, будто ведунья может убить одним лишь прикосновением. Сам подумай, захочет ли кто-нибудь ее помощи? Доверит ли ей свою жизнь или жизни родных?

– Если бы зло отравило душу Йорунн, Хравн увидел бы это, – ответил Эйвинд.

– Хравн – древний старик, он уже не различает, кто хороший человек, а кто нет, – возразил хёвдинг. – Но я беспокоюсь не о нем, а о девчонке. Молва крепнет и очень скоро может обернуться бедой. Страх заставит забыть даже то, что она под твоей защитой.

Конунг задумался. А потом сказал Ормульву:

– Спасибо, что предупредил. Я знаю, что нужно делать.

После того как Долгождана получила новое имя, медноволосая Лив перестала поглядывать на нее свысока. Помогать не помогала, но и не цеплялась больше, видя, что с тяжелой работой девушка справляется лучше других. А от внимательных глаз Долгожданы не укрылось то, что Лив, едва завидев Асбьерна, делает все, чтобы он поглядел на нее. Но ярл словно забыл о ее существовании. Казалось, встань она на его пути – и то не заметит, мимо пройдет.

– Скажи, Фрейдис, – спросила однажды Лив, подсев к Долгождане, чистившей рыбу, – для чего Асбьерн оставил тебя здесь? Хочет отдать одному из своих людей или, может, для себя сберегает?

– Это вряд ли, – ответила Долгождана. – Он со мной разговаривал, но ни к чему не принуждал.

– Ему и принуждать не надо, – усмехнулась Лив. – Сама по доброй воле к нему побежишь.

– С чего это вдруг?

– С того, что ярл и его люди – чужеземцы. Унн говорила, будто род Асбьерна от самих альвов идет. А-а, ты же не знаешь... У них на родине в лесах живут альвы – колдуны и колдуньи. Им под силу взглядом зачаровать человека, лишит его воли. Ярл так красив и удачлив потому, что в его жилах течет альвийская кровь. Вот только ему надолго никто не нужен: возьмет свое и забудет, едва наскучишь.

– Ты-то у него уже не первый год, – заметила Долгождана.

– Это потому, что я знаю, как сделать, чтобы мужская любовь не остыла. – Лив подмигнула ей, а потом вздохнула: – Только теперь он, бессердечный, на меня и не смотрит. О другой

думает. Уж не знаю, кого ярл пустил в свои мысли – тебя или ведунью, подругу твою, но одно скажу: остерегайтесь его. Сердце потом навеки разбито будет.

Медноволосяя красавица шмыгнула носом, поднялась и торопливо пошла прочь. А Долгождана еще долго сидела, бессильно опустив руки и тщетно пытаясь вспомнить, как следует чистить рыбу – с головы? с хвоста? Едва не порезалась.

Ближе к вечеру конунг велел всем собраться в дружинной избе на хустинг – домашний сход. Туда приходили мужчины и женщины, свободные и рабы – все, кто жил в Стейнхейме.

– Что за надобность в тинге? – спросил Эйвинда старый Хравн. Он пришел одним из первых и занял место рядом с конунгом.

– О ведунье нехорошие слухи идут, отец, – объяснил Эйвинд. – Люди ее боятся. Хочу, чтобы она при всех клятву богам принесла, что не причинит никому вреда.

– Не может вред причинить та, чье сердце полно любви и сострадания, – проворчал старик, кутаясь в волчий мех. – Но ты прав: сорную траву слухов надо вырывать с корнем. Сказал один – могут сказать и другие.

Люди входили, здоровались с вождем, сидевшем на почетном месте, и рассаживались по старшинству. Пришли Асбьерн ярл и хёвдинги. Вот появились женщины, и с ними ведунья. Девушка села рядом с подругами, с любопытством оглядывая закопченную крышу, резные столбы, несущие на себе ее тяжесть, стены, на которых висели боевые щиты и оружие. Здесь жили воины, не имевшие семей – у конунга и ярла были отдельные покои, прочие же спали в общем зале на лавках вдоль стен. Так рассказывала Смэйни.

Вот люди затихли в ожидании слова конунга. Но вместо Эйвинда заговорил Хравн:

– Дни мои на острове Хьяр уже не идут – летят, что сухие листья по ветру, и едва ли их осталось много. Боги в этот раз не послали мне преемника, но привели на остров юную деву, умеющую исцелять. Все знают, как опасно предательство, но сила ведуна, обращенная во зло, стократ опаснее. И потому я хочу спросить словенскую ведунью: согласна ли ты, Йорунн, поклясться перед богами и людьми, что не причинишь вреда своим даром?

Все взгляды устремились на Любомиру, и девушка медленно поднялась:

– Не для вреда, а на благо дает мне Мать силу свою, – тихо сказала она, но услышал ее каждый. – Я готова принести клятву.

Она сняла пояс, расплела косу и шагнула к очагу. Попросила Великую Мать вразумить, подсказать нужные слова. Обвела взглядом собравшихся людей, затем поклонилась Хравну и конунгу и заговорила:

– Именем Великой Матери, которой служу я, Любомира, принявшая имя Йорунн, клянусь, что ни мыслями, ни словом, ни делом не причиню вреда жителям Стейнхейма, едино человеку ли, зверю ли. В свидетели я призываю богиню Макошь, грозного Перуна и всех справедливых богов, которых почитают живущие здесь.

Любомира замолчала. Больше сказать ей было нечего, а что делать дальше – она не знала. Отблески пламени отражались в ее глазах золотистыми искрами. И тут неожиданно поднялся огромный пес, до сих пор смиренно лежавший у ног Эйвинда. Он направился к девушке, и молодая ведунья без малейшего страха протянула ему руку. Люди замерли – Вард никого к себе не подпускал, кроме конунга да еще Асбьерна. А тут подошел, обнюхал протянутую ладонь и подставил для ласки лохматую голову. Любомира осторожно почесала ему за ушами, и пес, не терпевший чужих прикосновений, радостно завилял хвостом.

– Ну, иди к хозяину, верный друг. – Девушка потрепала его по загривку, и Вард неторопливо вернулся на место. Люди зашумели, переговариваясь.

– Все видели. Все слышали. Все запомнят, – громко произнес Эйвинд, оглаживая пса. – Отныне судить тебя, Йорунн, будут лишь по делам твоим, и никто не посмеет сказать о тебе

дурно, если на то не будет причины. Я доверяю тебе своих людей – самое дорогое, что у меня есть, и клянусь отвечать добром за добро, милостью за милость и щедростью за рвение.

Любомира низко поклонилась:

– Тебе не придется жалеть о своем решении, Эйвинд конунг.

Когда после схода все разошлись, Хравн посмотрел на вождя и сказал:

– Ты опять плохо спал, Эйвинд. Приснилось что-то дурное?

– Мои сны ты не хуже меня знаешь, – усмехнулся конунг. – Что о них говорить?

Хравн вздохнул, покачал седой головой:

– Тогда позволь я скажу о Йорунн. Большая удача в том, что она здесь появилась. Но на свет души слетаются разные люди, найдутся и те, кто захочет его загасить. Береги молодую ведунью, конунг. Она все просит отпустить ее побродить по острову, посмотреть, что тут есть из трав. Только одной ей идти нельзя, а я и рад бы, да в попутчики не гожусь.

– Раз так, найду ей провожатого, – пообещал конунг. – Пусть ходит, где пожелает.

Вечером Эйвинд велел позвать к себе Халльдора. Хотел узнать у названного брата, что ему ответила словенская девчонка.

– Сказала и да и нет, – с досадой проговорил Халльдор. – Нельзя, мол, младшей сестре выходить замуж прежде старшей.

– Глупый обычай, – рассудил Эйвинд конунг. – Так можно и счастье свое упустить. Но, если нужно, найдем мужа и старшей сестре. Может, кто из хирдманнов захочет ее взять.

Халльдор задумался.

– Один из твоих кормщиков, Лодин, поглядывал на нее. Сказал, будто девчонка похожа на его умершую жену.

Ночью Долгождане не спалось. Она лежала в темноте с открытыми глазами, вспоминала слова, сказанные Асбьерном, и недавний разговор с Лив. Что было правдой, а что ложью, ведали одни лишь боги, и доля, выпавшая Любомире, стала казаться до боли завидной. Ее-то, свободную, никто принуждать не станет, ни силой, ни тем более колдовством...

Намаявшись под теплым одеялом, девушка тихонько спустила босые ноги на пол, встала и бесшумно вышла из дома в прохладную летнюю ночь. Небо смотрело на нее несчетным числом сияющих глаз. Дома она любила глядеть на звезды, все ждала – вдруг упадет одна? Значит, суженый к ней торопится, знак подает.

В тишине со стороны дружинного дома донеслись голоса. Любопытная Долгождана тенью подобралась поближе. Прислушалась.

– Чем я плоха, Асбьерн? Разве я не отдала тебе всю себя? Или тебе разонравились мои ласки?

На задворках дома Лив плющом обвивала темноволосого ярла, гладила его по щеке, заглядывала в глаза. Но он не склонился, чтобы поцеловать ее. Лишь отцепил обнимавшие его руки и сказал негромко, но твердо:

– Иди спать. Поздно уже.

Девушка отшатнулась, заговорила сердито:

– Знаю я, о ком ты день и ночь думаешь! Вернулся от словен сам не свой, будто подменный! Только зря надеешься: не взглянет она на тебя, близко не подойдет!

– Лив! – Голос ярла резанул, точно клинок. Даже почудилось, будто в ночи вспыхнуло острое лезвие. – Уходи.

Медноволосая красавица всхлипнула, бросилась прочь, растирая ладонями слезы. Пробежала мимо Долгожданы и не заметила ее, вжавшуюся в стену.

Этой ночью княжне пришлось еще долго смотреть на звезды, пока Лив не наплакалась вдоволь и не затихла. Зато сморило сразу, едва согрелись под одеялом озябшие ноги. И то хорошо.

Йорунн приснился странный сон. Она видела в доме маленьких, носатых человечков с темными сморщенными лицами и длинными спутанными волосами. Одни носили платья из листьев, другие были в смешных штанах. Человечки приплясывали, шлепая босыми ногами по полу, мельтешили, дергали Йорунн за косу, щекотали и толкали. Впору бы рассердиться да прогнать их именем светлых богов, но, взглянув в их черные, блестящие озорством глаза, Йорунн вдруг поняла, что вредники не хотят причинить ей зла, и улыбнулась. «Не бойся! Не бойся! – радостно запищали-заскрипели человечки. – Вот чудная!»

– Что вам нужно, славные? – спросила ведунья.

«Славные! Она нас славными назвала! Может, и просьбу нашу выполнишь?»

«Уговори людей уйти! Житья от них нет! Раньше остров был только наш, мы спокойно здесь жили. А теперь люди везде!»

«И им тут плохо, и нам! И еще хуже будет, если нас не слушаешь!»

– Некуда им идти, – вздохнула Йорунн.

«Как некуда? Есть острова другие! Пусть к западу плывут. Там пусто. Там хорошо! Лучше, чем здесь!»

– Спасибо за добрый совет, – поклонилась им девушка.

«Добрые! Да, мы добрые! Мы на этих людей не злы! Они нас не обижали!»

«Послушай нас, мы зря болтать не станем! Уговоришь людей уйти – они живы останутся. Не уговоришь – гибель с севера придет!»

«И времени у вас – до конца лета! Иначе беда...»

Последние их слова потонули в визгливом хохоте, и Любомира проснулась. Какое-то время ведунья лежала, приходя в себя и успокаивая испуганно колотящееся сердце. Потом прислушалась: в ночной тишине снова раздался протяжный волчий вой. Столько тоски и отчаяния было в нем, что у Любомиры перехватило дыхание. И, забыв предостережения старой Смэйни, она вскочила, накинула легкий плащ и бросилась на зов четверолапой подруги.

...В тот год весна выдалась теплой, травы быстро наливались соками, и Любомира часто уходила в лес – собрать то, что потом превратится в целебные снадобья. И однажды недалеко от дома возле болотины увидела волчицу, запутавшуюся в силках.

Волку силки не помеха: острые клыки легко разрывают самые крепкие веревки, но эта волчица была совсем молодая, к тому же брюхатая: судя по всему, ей вот-вот предстояло ощениться. Быть может, голодная и уже не способная охотиться, она соблазнилась попавшим в силки зайцем, но запуталась в петлях и стала добычей сама. Перегрызла бы путы, да одна петля накрепко стянула ей челюсти. И теперь измученная борьбой волчица лежала на боку и тоскливо, угасающими глазами смотрела перед собой, понимая, что обречена – и она и ее неродившиеся щенки.

Любомира волков никогда не боялась, а уж полумертвых – тем более. Чужую боль она ощущала так же остро, как свою собственную, потому пожалела несчастную: сбегала за рогожкой, волоком перетащила зверя лесного к себе во двор, расчистила угол в дровнике, натаскала туда сена. И только устроив волчицу в гнезде, осторожно срезала веревки, а потом придвинула ближе миску с водой, положила ломоть вымоченного в молоке хлеба, погладила тяжело вздымающийся бок... и ушла, как только серолапая подняла голову и глухо зарычала.

Больше ведунья волчицу не беспокоила, лишь приносила ей воду и еду, оставляя их на пороге. А наутро услышала из сарая многоголосый писк и несказанно обрадовалась: хвала Великой Матери, живых родила! Счастье!

Еще через день волчица-мать вырыла яму под запертыми воротами и перенесла волчат в свое лесное логово. Любомира на нее не обиделась, лишь пожелала удачи и уже хотела было убрать из сарая опустевшее гнездо, как вдруг услышала писк и заметила копошащегося в сене белого волчонка, который отчаянно плакал и искал мать.

Был ли это прощальный отдарок за спасение, или просто волчица решила оставить самого слабого, не похожего на других щенка, Любомира не знала. Да и знать не хотела. У нее теперь была иная забота и, поблагодарив Великую Мать за урок, ведунья забрала несмышлениша в дом. Там скрутила жгутом тряпку, смочила ее в разбавленном молоке, дала волчонку сосать. Когда тот наелся, принялась обустроить в старой корзине лежку.

– Вижу, девка ты, как и я, – улынулась ведунья. – Что ж, будешь Снежкой, подружкой моей белолопой.

Непросто оказалось вырастить кроху. Приходилось часто кормить, мыть, ночами не спать, теплом своим согревая пискливый комочек. А позже – играть, как играют волки со своими щенками, учить уму-разуму, как учила бы Снежку волчица-мать. Но зато как радовалась Любомира, когда маленький, слабый щенок окреп, превратился в сильного и красивого зверя.

В тот злосчастный день преданная подруга не бросила Любомиру в беде и теперь тосковала в неволе – не спала, не ела, даже воду почти не пила, оттого вконец обессилела и почувяла близость смерти. Потому и не сдержалась в ту ночь: не завывала – горько заплакала...

Йорунн почти добежала до клетки, но, услышав голос Эйвинда, разговаривающего с волчицей, остановилась как вкопанная. Нужно было уйти, пока вождь ее не заметил, но девушка отчего-то и шагу ступить не могла. А Снежка принялась – и перестала выть, заметалась и заскулила, взволнованно глядя туда, где притаилась Йорунн. Сердце девушки оборвалось.

Ох, матушка родимая, помоги...

Эйвинд конунг даже не обернулся. Только нарочито громко произнес:

– Никак хозяйку почувяла, Белая Шубка? Не зря ведь звала... Ну, выходи, ведунья, поговори со своей волчицей, а то она не ест, не пьет, по тебе тоскует.

Йорунн подошла, украдкой взглянула на конунга – не сердится вроде. Увидела свою Снежку – и про Эйвинда думать забыла. Отодвинула засов, распахнула клетку, опустилась на колени и обвила руками мохнатую шею, погладила, не отворачиваясь от влажного языка. А после приподняла морду волчицы и пристально поглядела ей в глаза. Через некоторое время Снежка успокоилась, подошла к воде и принялась жадно лакать. Девушка поднялась на ноги, утерла лицо и проговорила:

– Не хозяйка я ей, конунг, а подруга. Снежка – вольный лесной зверь, потому и понять не могла, для чего ее здесь держат. Теперь она станет есть и пить, и убежать не будет.

– Убежать ей некуда, – усмехнулся Эйвинд. – На острове лес редкий, дичи почти нет, а станет в Стейнхейме добытничать – убить могут. Потому и держу здесь – не как пленницу, а как гостью. Всегда мечтал приручить волка.

Йорунн помолчала, а потом тихо спросила:

– А не рассердишься, если я навещать ее буду?

– Что ж, – промолвил конунг, – навещай. Может, тогда мои люди будут спать спокойно. А скажи, – глаза его вдруг вспыхнули мальчишеским любопытством, – если я руку ей протяну, бросится или нет?

– А попробуй! – отозвалась девушка.

Вождь постоял немного, глядя на волчицу, потом медленно присел и так же медленно протянул левую руку ладонью вверх. Правая рука осталась лежать на колене, но так, чтобы волчица видела: оружия в ней нет.

– Подойдешь ли ко мне, Белая Шубка? – тихонько позвал он.

Снежка перестала лакать, прижала уши, зубы приоткрыла, но не зарычала. Настороженно посмотрела на человека, сидящего перед ней, взглянула на Любомиру и снова перевела взгляд на конунга. Прошло несколько томительных мгновений, и волчица перестала скалиться. Осторожно, не спуская внимательных глаз с мужчины, она подошла ближе на пару шагов, вытянула морду, медленно обнюхала кончики пальцев, а потом вернулась к площадке с водой.

Йорунн с облегчением выдохнула.

– Думаю, ты сможешь приручить ее, вождь. Приходи к ней почаще и веди себя так, как сейчас. И еще... Ей бы угол загородить, чтобы от солнца да любопытных глаз прятаться.

– Сделаю, – пообещал Эйвинд, поднялся, запер клетку и неторопливо направился к темному спящему дому. Уже на пороге обернулся:

– Доброй ночи, Йорунн.

– И тебе, конунг, – негромко отозвалась девушка.

После утренних воинских забав хирдманны чаще всего возвращались в добром расположении духа, потому по дороге подначивали друг друга, хохотали и прощали товарищам даже обидные шутки. Нынче досталось и Ольве, которая задержалась у ворот, пересчитывая собранные мальчишками стрелы. Один из воинов хирда, Лейдолвь Одноглазый, поглядел на нее и сказал:

– Женщина лучше смотрится с прялкой в руках. С ней она хотя бы умеет обращаться.

Мужчины засмеялись. Ольва, складывая стрелы в колчан, отозвалась:

– Помогла бы мне прялка прошлым летом, когда вы были в море, а на остров пришли свейские разбойники?

– С разбойниками справились люди Эйвинда, пока ты с девчонками пряталась в сарае, – усмехнулся Лейдолвь.

Щеки Ольвы вспыхнули, но она сдержалась и ответила с достоинством:

– Я не пряталась, а защищала их. Ингрид и Хельга видели, как я застрелила двоих и как третий бросился на меня с ножом. Они боялись, что свей убьет меня, но я увернулась и воткнула стрелу ему в горло. Был бы ты столь же проворен, тебе бы не вышибли глаз рукоятью меча.

– Ты и с двумя глазами мне не соперница, – отмахнулся зубоскал. – Стань моей женой, и я научу тебя обращаться с луком.

– В похвалбе тебе точно нет равных, – проговорила девушка, прикрепляя колчан со стрелами к поясу. – А кто из нас лучший стрелок, увидим на празднике.

– Тогда уговор, – прищурился Лейдолвь. – Проиграешь – пойдешь за меня в тот же день. Скажу Ивару, пусть готовит нам покой в семейном доме.

– Уговор, – согласилась Ольва. – Проиграешь – заставишь хёвдинга взять меня с вами в морской поход. Скажу Унн, чтобы собрала мои вещи.

– Тому не бывает... – начал Лейдолвь, но голос его потонул в хохоте стоящих рядом хирдманнов. А Ольва сняла тетиву с лука и, не торопясь, пошла за ворота во двор. Даже не оглянулась ни разу.

– Опять она тебе отказала. – Ормульв толкнул уговорщика в бок. – Может, думает, что ты потерял в бою не только глаз?

– Значит, в брачную ночь мне удастся ее удивить! – беззаботно ответил Лейдолвь.

На следующий день, придя проведать волчицу, молодая ведунья увидела в клетке охапку сухой травы и несколько больших еловых веток, под которыми Снежка сделала укрывище. Теперь она вела себя гораздо спокойнее, Йорунн сразу это почувствовала, потому и решила поблагодарить конунга за заботу.

Далеко ходить не пришлось: Эйвинд стоял возле дружинного дома, наблюдая, как его воины разбивают друг дружке деревянные щиты.

– Доброго тебе дня, конунг, – поклонилась девушка. – Спасибо за то, что для Снежки сделал. Всё легче ей.

– Она уже отплатила тем, что взяла кусок рыбы из моих рук и не тронула пальцы, – ответил Эйвинд.

Оба помолчали. Потом Йорунн неожиданно спросила:

– Скажи, вождь, не встречал ли кто здесь на острове маленьких человечков – носатых, смешных, будто из коры дерева вырезанных? Голоса у них тонкие, скрипучие, волосы растрепанные, а глаза маленькие, словно бусины.

Эйвинд конунг удивленно посмотрел на нее:

– Ты говоришь о дворгах, духах камней и пещер? Откуда ты знаешь о них?

– Я расскажу тебе, вождь, – ответила Йорунн, – но только на берегу моря, где никто другой моих слов не услышит.

– Тех, кого ты назвал дворгами, я увидела сегодня во сне, – проговорила девушка, не зная, поймет ли ее вождь или рассердится за то, что отвлекла от дел. – Они повторяли, что людям нужно покинуть остров Хьяр и как можно быстрее. Предупреждали, мол, погибель идет сюда с севера, и времени у нас до конца лета, иначе случится беда.

Эйвинд конунг молчал. Йорунн закусил губу и вздохнула:

– Можешь посмеяться надо мной, вождь, но, думаю, что не просто так мне это привиделось.

– Что еще тебе дворги сказали? – спросил он недоверчиво.

– Опустевшие земли, говорят, на западе есть, – вспомнила девушка. – Велели туда плыть. Там лучше, чем здесь.

На лице вождя снова отразилось удивление. Но ничего объяснять он не стал, только полюбопытствовал:

– Что же ты Хравну ничего не сказала, сразу ко мне пошла?

Сперва она не нашла, что ответить. И в самом деле, почему? Поразмыслив немного, молодая ведунья проговорила:

– Так ведь не ему, тебе судьбу народа решать. – Йорунн заметила, что конунг разглядывает ее, и смутилась. – Ты вождь. Твой долг – заботиться о других людях. В этом твой удел с нашим схож: мы, ведающие, тоже сперва о других думаем, и лишь потом – о себе.

– У вас, словен, со всеми принято разговаривать, не глядя в глаза, или ты только на меня смотреть не желаешь? – вдруг перебил ее Эйвинд. Йорунн почувствовала, как запылали ее щеки, и едва не расплакалась от досады. С незапамятных пор считалось: кто взгляд отводит, тот лжет.

– Неужто я страшный такой? – усмехнулся вождь.

Йорунн собралась с силами и заставила себя поднять глаза. Ишь, чего выдумал – страшный... Высокий, сильный мужчина стоял рядом с ней, смотрел на нее. Зеленые глаза его напоминали омуты – и не заметишь, как утонешь. В спутанных волосах золотилось солнце.

– Ты можешь быть грозным, и не завидую я тому, кто вызовет твой гнев, – проговорила девушка. И неожиданно улыбнулась, словно окутала ласковым теплом: – Но сердце у тебя доброе и душа щедрая. Не сердись на меня, конунг: взгляд стоящего меж богами и людьми не всякий муж выдержит, что говорить о девке!

Эйвинд улыбнулся в ответ:

– Если дворги в другой раз привидятся, не забудь рассказать.

Йорунн пообещала. А потом поклонилась низко:

– Спасибо, что выслушал. Пойду я. Дела сами не переделаются.

Эйвинд конунг долго смотрел ей вслед.

Здесь, на берегу, и нашел его Асбьерн.

– Я тебя повсюду ищу, – проговорил ярл, подходя к побратиму. – Поговорить надо, Эйвинд. Хотел я пойти на снейке к фиорду, о котором рассказывал Хьярти, и вернуться до праздника летнего солнцестояния. Если и правда земля там хорошая, переберемся туда.

– Сперва узнай, пощадила ли кого-нибудь хворь и давно ли она покинула фиорд, – сказал конунг. – На удачу свою полагайся, но будь осторожен. Я бы сам пошел, да датчане на днях приплывут. Сторгуемся, после о деле поговорим.

– Снейку снарядить недолго. Завтра с рассветом в море выйдем. – Асбьерн окинул взглядом серо-зеленый волнующийся простор. – Поплывем на запад.

– Значит, к западным землям, – задумчиво проговорил Эйвинд и усмехнулся: – К празднику-то вернись, а то знаю тебя: пока всех местных девчонок не перецелуешь, не успокоишься.

Он хлопнул побратима по плечу и рассмеялся. Асбьерн подхватил его смех:

– Я и рад бы не целовать – сами на шее виснут!

А потом добавил уже серьезно:

– Вот еще что, Эйвинд. Пусть на острове не знают, куда направится снейка. А будут спрашивать – скажем, что за припасами на зиму.

– Зачем? – нахмурился вождь.

– Затем, что неладное творится, брат. – Ярл посмотрел на него и словно ледяной водой окатил: – Среди наших людей есть предатель. И не один.

Конунг ответил жестко:

– Такими словами бросаться не следует, Асбьерн. С чего ты взял?

– Девушка, которую я оставил у себя, Фрейдис – дочь словенского конунга, – тихо проговорил ярл. – Она клянется, что словене не виноваты. Ни один из вождей, ее братьев, не нападал на нас.

– И ты поверил словам перепуганной девчонки настолько, что посмел обвинять кого-то из своих? – напустился на него Эйвинд. Лицо Асбьерна потемнело, и ярл надолго замолчал, погрузившись в невеселые думы. Потом спокойно сказал:

– Все равно я в поход не возьму никого из тех, кто ходил тогда к словенам. И карту твою заберу с собой, а вместо нее в сундук положу другую. Ее нарисовал Вагн по моей просьбе, и она отличается от настоящей, как тир от трэля¹³. А там посмотрим.

Погода была хорошая, и Смэйни вынесла во двор своих подопечных – двух крошечных девчушек, родившихся этой зимой. Пока они дремали в корзинах, старая нянька негромко рассказывала словенским девушкам о здешних краях.

– Остров Хьяр большой, да толку от того мало: всё скалы да камни, деревья редкие, в горах круглый год снег лежит, плодородных земель и нету почти. Жили тут люди и до нас, ловили рыбу да растили то, что вырасти может. Раньше, говорят, на скалах было немало птичьих гнезд, но мальчишки давно уже не приносили добычи. Одно хорошо: рыбы в здешних водах много. Тем и живем... А ведь я-то помню, какие леса шумели на острове Мьолль, где родился наш конунг. Там с полей собирали столько, что все были сыты, и стада на лугах паслись все лето, день ото дня становясь тучнее... Много лет назад Олав Стервятник отнял у нас этот остров, и с тех пор жизнь стала трудной, голодной и горькой.

– Как же это случилось, матушка? – любопытствовала Зорянка.

¹³ Тир (норв.) – рабыня; трэль – раб.

– Потом как-нибудь расскажу. – Одна из маленьких заплакала, и нянька принялась напевать ей колыбельную. Не получившие свободу словенки переглянулись: может, и правда на другой земле больше повезет? У датчан, говорят, дворы богатые...

Подошла Йорунн, улыбнулась приветливо, с интересом поглядела на лежащих в корзинах младенцев и собралась было идти в дом, просить Унн о работе, но вдруг присмотрелась внимательнее к рыжеволосой девчужке, выставившей ножки из-под одеяла, присела рядом, взяла ее на руки, заворковала:

– Птичка моя, лапушка, дай-ка взглянуть на тебя... Ах ты, солнышко мое золотое... Матушка, – спросила она у Смэйни, – чья это дочь? Боюсь, хромой вырастет девочка. Вылечить ее пока можно, но матери каждый день с ней возиться придется.

– Мать у нее померла в родах, – нехотя проговорила нянька. – Красавица была, каких мало. Да вот долго не могла разродиться, а потом так и не встала. Обычное дело у нас на острове. Отец ее, Ормульв, на дочь и взглянуть не захотел – уж больно жену любил, от горя чуть не помешался. Даже имени ей не дал. Мы зовем ее Эсси – по матери.

– Ормульв хёвдинг ее отец? – Йорунн нахмурилась.

– Он самый.

– А кто же тогда кормит ее? Кто заботится о ней?

– Кормит ее Сигрид, мать маленькой Гейрни. – Смэйни погладила вторую девочку. – А нянчу, понятное дело, я. Она у меня как яблочко наливное, крепенькая, почти не плачет. Внучкой зову.

Йорунн некоторое время молчала, потом сказала:

– Что ж, значит, сама лечить ее буду.

Чистить котлы с пригоревшей кашей поручали рабам. Работа была грязная, тяжелая, на ладонях после морского песка оставались ссадины. Весна опустила горячие руки в холодную воду и вздохнула. Мысли ее витали далеко от немытого котла – то вспоминалось, как во время вечерних посиделок смотрел на ее младшую сестренку Халльдор, то приходили на ум слова, сказанные недавно подружкой Красой: мол, Зорянке-то хорошо придумывать, а с тобой о любви никто заговаривать не будет, первый попавшийся схватит за косу и своей назовет. Сперва от таких жестоких речей внутри нее все взбунтовалось: не бывать тому, лучше уж со скалы в море... Но потом словно со стороны кто-то шепнул: зато с сестрой рядом останешься. И мужней женой, не рабыней бесправной.

...и все же горькая зависть щипала глаза при виде нареченных. Весна зачерпнула пригоршню воды, обтерла лицо. Глупая, о любви возмечтала... Она в последний раз сполоснула котел, отряхнула платье и торопливо пошла со своей ношей по тропинке наверх.

На пути ей встретился один из воинов, широкоплечий, бородатый, в крашеной рубахе. Весна только ниже опустила голову, желая побыстрее разминуться с ним, но северянин поймал ее за рукав и вынудил остановиться.

– Погоди, – сказал он. Сел на близлежащий валун, показал на место рядом с собой: – Сядь.

А потом заговорил, подбирая слова попроще, чтобы словенка могла его понять:

– У меня была жена по имени Гудрун. Я полюбил ее сразу, как только увидел. И она, случись мне погибнуть в бою, с радостью взошла бы на мой костер. Но так вышло, что Гудрун умерла первой. Много лет я не хотел знать других женщин, потому что помнил ее. – Он помолчал немного, потом посмотрел на девушку: – Ты похожа на мою Гудрун. Такая же красивая, как она.

Весна сидела ни жива ни мертва. В животе сделалось холодно: она поняла, к чему ведет речь северянин.

– Я бы взял тебя уже сегодня, но не хочу поступать с тобой, как обычно поступают с рабынями. Есть еще время до прихода датчан. Думай.

Девушка молчала. Потом робко глянула – бородатый жених не был ни красив, ни молод – и попросила тихонько:

– Позволь уйти. Ждут меня.

Кормщик Лодин протянул руку, забрал у нее тяжелый котел и зашагал по тропе к дому. Весна, понуро склонив голову, брела следом.

Глупая, о любви возмечтала...

Поздно вечером Эйвинд конунг сам пришел в покои побратима. Встал у порога, наблюдая, как Асбьерн укладывает в походный сундук теплый плащ и куртку из кожи. Потом спросил:

– Все ли готово к отплытию?

– Снежку загрузили еще до сумерек, – отозвался ярл. – Кормщиком Торд пойдет. С собой взяли припасов и на обратный путь. Если вдруг удача от нас отвернется...

Он не договорил. Эйвинд помолчал немного, вздохнул:

– Я был у Хравна. Он вытащил руну и сказал, что словенская девчонка не врет.

– А о прочем ты тоже спрашивал?

– О предателе я с ним заговорить не посмел, – признался конунг. – Не хотел тревожить старика. Попросил ответа о нашей с тобой судьбе, но получил лишь пустую руну.

– Руна Одина, – поправил ярл. – Это руна Судьбы, предначертания, говорящая о неизбежности того, что суждено. Мне она тоже выпадала не раз.

Некоторое время побратимы молча смотрели друг на друга. Потом Эйвинд сказал:

– Я бы хотел, чтобы ты ошибался. Но если нет, то чем мы прогневили богов? Почему нас обрели на неверие своим же людям?

– Я думал об Олаве, – проговорил Асбьерн. – Многие приходили к нам, оставались и обретали здесь дом. Кто-то из них мог раньше служить Стервятнику. Или служит ему до сих пор.

– Что до меня и моих людей, тут все ясно, – поразмыслив, сказал Эйвинд. – Вряд ли Олав будет спать спокойно, зная, что один из сыновей Торлейва конунга выжил и род не угас на бесплодном острове. Но не пойму, зачем ему желать твоей смерти, ярл?

– Не знаю, – покачал головой Асбьерн. – Может, потому что в трудное время я пришел на помощь и поклялся твоему отцу в верности, а тебе стал побратимом? Или потому, что готов на все ради того, чтобы ты исполнил свое обещание и вернул то, что было утрачено?

– Может, и так, – ответил Эйвинд. – А может, и нет. Как бы то ни было, об одном прошу: будь осторожен, брат.

Далеко на западе есть острова, которые викинги называют Хьяльтланд, или земли скоттов. Сами же скотты называли свое королевство Дал Риادا.

С давних времен люди там разделились на кланы, которые воевали между собой за корону Дал Риады. Этим пользовались морские разбойники с севера: они приплывали на своих драккарах, грабили прибрежные поселения, угоняли жителей в рабство. Впрочем, были среди скоттов эрлы, которые водили тайную дружбу с северянами и хорошо знали их язык и обычаи.

Много зим назад в тех землях завязалась ожесточенная война между двумя влиятельными кланами, один из которых готов был отдать престол вождю, выросшему среди англов, а второй всячески этому противился. Остальные кланы были вынуждены вставать на сторону того или другого, и лишь немногие призывали не убивать соотечественников, а объединиться и дать достойный отпор северянам. Таких было меньшинство, и они первыми попали под удар

в этой войне. Среди них был эрл Эйдер МакГрат, у которого подрастал сын и наследник Артэйр. Темноволосый и синеглазый, похожий на мать.

Ему было двенадцать, когда эрл Гилберт МакКеннет со своим отрядом под покровом ночи напал на родовой замок МакГратов и не оставил в живых никого – ни самого эрла, ни его родных, ни одного из слуг или воинов. Единственными, кому удалось избежать смерти и ускользнуть из замка, были юный Артэйр МакГрат и жена его наставника Брайэна по имени Уинфрид. Люди эрла Гилберта долго искали мальчишку по всему замку и окрестностям, но так и не нашли.

Сперва Уинфрид прятала Артэйра в доме своей матери, надеясь, что муж сумеет выбраться живым из захваченного замка и поможет им. Но Брайэн так и не вернулся к ней и к своим маленьким дочерям. К счастью, эрл Рейберт, давний друг Эйдера МакГрата, узнав о том, что произошло, помог им укрыться в своих владениях.

Долгих четыре года Артэйр мог лишь мечтать об отмщении, пока убийца и предатель хозяйничал в его доме и на его земле. Но это время не прошло даром: Рейберт и его люди обучили молодого МакГрата всему, что должен знать и уметь будущий эрл. Именно Рейберт рассказал юноше о своей дружбе с викингами, научил его языку северян и посоветовал искать у них поддержки, когда придет время отомстить за погубленный род. А когда однажды летом на побережье высадились люди датского хёвдинга Вилфреда, эрл отправился к ним на встречу и взял с собой Артэйра МакГрата.

Был в тот раз среди северян молодой воин, чуть постарше Артэйра, по имени Эйвинд Торлейвссон...

Незадолго до рассвета Асбьерн пришел попрощаться с Унн. Девушки и женщины бросили все дела и собрались во дворе, обступили красавца-ярла. Самые младшие принялись выпрашивать, куда поплывут, когда вернутся и привезут ли подарки. Асбьерн отшучивался, обещал всех встречных купцов обложить данью на бусы и вышитые платки, а сам все оглядывался, высматривал кого-то возле дома и не находил.

Долгождана в это время перевернула весь угол в сарае, где хранилась всякая всячина – искала подевавшийся куда-то подонок. Отчаявшись найти, она уже собралась было отправиться за помощью к Асгерд или Унн, но, услышав знакомый голос, затаилась, отступила подальше от приоткрытой двери и присела на какой-то чурбачок. Видеть ярла ей почему-то не хотелось. Зато отсюда было хорошо слышно.

– Где же Фрейдис? – спросил ярл.

– Убежала куда-то. – Долгождана узнала насмешливый голос Лив. – Видно, не хочет она пожелать тебе доброго пути, Асбьерн.

– Может, к Йорунн пошла, – проговорила Ольва. – Послать за ней?

– Не надо, – коротко ответил ярл. Девушки пожелали ему удачи и побежали на берег провожать остальных. Долгождана уже хотела встать и выйти из своего укрытия, но тут услышала шаги и негромкий голос Унн:

– Балуешь ты нас, Асбьерн.

Ярл усмехнулся:

– Кто еще есть у меня, кроме вас? Отчего ж не побаловать?

Унн помолчала, потом спросила:

– Что если она не полюбит тебя? За все время не подошла, не взглянула, слова ласкового не сказала...

– Подожду еще, – ответил Асбьерн. – Другого полюбит – мешать не стану. А если по дому затоскует, назад попросится – сам отвезу.

– Как ты переменялся, – по-матерински вздохнула Унн. – Жаль, она своего счастья не видит и видеть не хочет.

– Перестань, Уинфрид, – проговорил Асбьерн. Две тени мелькнули в дверном проеме, шаги и голоса стали постепенно затихать. Подождав еще немного, Долгождана встала с чурбачка, на котором сидела. Кто бы помог разгадать, о которой из них шла речь? О Любомире-Йорунн или все же о ней, Фрейдис?

Краем платья девушка зацепилась за что-то, дернула... и едва в сердцах не помянула лешего: оказалось, сидела она на злосчастном подойнике, который кто-то перевернул и прикрыл сосновой дощечкой.

Едва поднялось солнце, корабль Асбьерна вышел в море. Эйвинд конунг еще долго стоял на берегу и глядел ему вслед, пока снечка не превратилась в черную точку и не исчезла вдали.

Он хорошо помнил свой первый большой поход далеко на запад, когда драккары Вилфреда хёвдинга несколько месяцев плыли по бескрайним морям. Тогда было много сражений и много добычи, и жители островов надолго запомнили быстрые черные корабли под полосатыми парусами. На обратном пути Вилфред решил проведать своего старого друга, эрла, чей замок стоял на холме у самого берега. Нужно было осмотреть драккары перед долгой дорогой к дому, запастись провизией и водой, а хозяин этих земель был гостеприимен и достоин доверия.

Эрл Рейберт и его люди встретили их на берегу. Эйвинд еще подумал, что высокий темноволосый юноша, стоящий рядом с эрлом, должно быть, его сын. В нем уже тогда угадывался будущий вождь и хороший воин. Потому, пока датский хёвдинг и эрл говорили о делах, Эйвинд и всюду следовавший за ним Ормульв подошли к молодому скотту и заговорили с ним. Оказалось, Артэйр, так звали юношу, прекрасно понимал их язык. Он рассказал, что Рейберт ему не отец, а наставник, и что земли, которыми он должен владеть по праву, обманом захватил человек, погубивший всю его семью. Его история и судьба самого Эйвинда были настолько схожи, что никто не удивился их дружбе. Зато удивление было немалым, когда через день Артэйр пришел к Вилфреду хёвдингу и попросил его о помощи.

– Гилберт МакКеннет и его сородичи называли себя друзьями моего отца, – сказал он. – Они искали убежища в нашем замке, и отец принял их как гостей, но ночью они открыли ворота и выпустили в замок своих воинов. Мой отец, моя мать и сестра были жестоко убиты. Многие из наших людей пожертвовали собой, чтобы спасти меня и помочь мне бежать. Несколько лет я ждал, когда смогу отплатить предателям, собирал верных людей, но... – голос Артэйра впервые дрогнул, – нас слишком мало для того, чтобы захватить замок. Ни жажда мщения, ни отвага и храбрость не позволят трем десяткам воинов выстоять против сотни врагов. Потому я и обращаюсь к тебе, Вилфред хёвдинг, и к твоим викингам, которым нет равных в бою.

Вилфред долго думал. Потом сказал:

– Что может быть хуже предательства? Но, выбирая разящий меч, будь готов за него заплатить. Что ты предложишь за нашу помощь?

Артэйр честно ответил:

– Из всех богатств у меня осталась лишь моя жизнь и верность данному слову. Пусть все, что вы найдете в замке, принадлежит вам.

Вождь датчан собрал своих людей и рассказал им о просьбе юноши. Обдумав все как следует, хирдманны согласились устроить набег, суливший хорошую добычу. Но один из них сказал:

– Все же замок – это не поселение. Нелегко будет взять его штурмом. Если ворота крепкие, а стены высокие, мы потеряем много людей.

– Доверьтесь мне, – ответил Артэйр. – Мало кто знает замок лучше меня, а о тайном пути, ведущем из подземелий в лесную глушь, известно только мне и моей приемной матери Уинфрид. Я возьму с собой двоих воинов, мы проберемся в замок и ночью откроем для вас ворота.

Викингам его замысел пришелся по нраву. Вместе с молодым МакГратом пошел старший из братьев Фарланов – Бирк, его верный друг. Вторым вызвался идти Эйвинд. Ормульв отговаривал его, убеждал, что скотты справятся лучше, но Торлейвссон не стал его слушать. Ему тогда очень хотелось увидеть хьяльтландский замок изнутри...

После отплытия Асбьерна дни пошли один за другим. Каждое утро Йорунн вставала незадолго до рассвета, шла к морю и слушала в шуме ветра, плеске волн и криках пролетающих мимо птиц голос Великой Матери. На обратном пути к дому она навещала Снежку. Убирала клетку, наливала волчице чистую воду и все уговаривала ее не рычать на дремавшего неподалеку Варда. Плохо ли – сам не обижает и в обиду не даст, если что. Снежка то ли не понимала, то ли нарочно упрямо скалила зубы. И ела теперь за двоих, набиралась сил, словно замыслила однажды поквитаться с заклятым врагом, даже сквозь сон следящим за каждым ее движением.

Эйвинд конунг сдержал обещание, данное Хравну, и велел молодому Хауку ходить вместе с Йорунн по острову, показывать ей удобные тропы и безопасные дороги в горах. Сперва Хаук так растерялся, что осмелился перечить:

– Чем я не угодил тебе, вождь, что ты приставил меня к девчонке? Да и от кого ее на острове защищать?

– В бою первым погибает тот, кто оспаривает приказы, – ответил ему Эйвинд. – Запомни это и ступай.

Хаук подчинился. Разыскал ведунью и сердито проговорил:

– Конунг велел мне везде следовать за тобой. Чтобы не смела одна со двора отлучаться.

– Ой, как хорошо! – искренне обрадовалась девушка. – Мне бы посмотреть, какие здесь травы растут, чем можно разные хворости да недуги лечить. Покажешь мне ваш остров?

И так это сказала, что Хаук устыдился своей досады. Ничего не ответил, просто молча кивнул, и с того дня стали они всюду бродить вдвоем, с каждым разом забираясь все дальше вглубь острова, поднимаясь все выше. Йорунн всегда улыбалась и рассказывала ему о чудодейственных свойствах растений, о целебных отварах из ягод и о том, что даже камни могут лечить. Хаук не поверил, но все же согласился приложить к усталым ногам небольшие камешки цвета запекшейся крови, гладкие и прохладные. И очень скоро почувствовал, как возвращаются силы, как тело становится легким и бодрым. Тогда он тоже стал рассказывать девушке – о своем отце, давно ушедшем в чертоги Одина, о матери, живущей теперь в подводном доме у великанши Ран, о битвах, в которых ему довелось побывать. А еще показал, где растет горная мята, за которой однажды посылал его Хравн. Какая польза от той травы, Хаук уже позабыл, но рассудил так: если она понадобилась слугителю Одина, то и ведунье для чего-нибудь пригодится.

Вечерами, когда вся домашняя работа была сделана, Унн устраивала возле женского дома посиделки. Собирались женщины и девушки, затевали плести пояса или вышивать под протяжную песню или занятную басню. Приходили Халльдор и Ивар, чтобы послушать словенскую речь и научить словенских девчонок языку северян. Халльдор послушно повторял за юной невестой трудные и малопонятные слова, и выходило у него до того забавно, что смеялись все – даже Весна оставляла грустные думы и улыбалась. А Зорянка нарочно выбирала самые заковыристые из слов, чтобы развеселить сестру, чтобы улыбка подольше жила на ее губах. Все уже знали, что Весну возьмет себе Лодин, старший из кормщиков, и потому Зорянка стыдилась своего непростого счастья, своей глупой уловки. Боялась лишний раз взглянуть в глаза сестре, зная, что та по ночам плачет украдкой – не помогают ни утешения подруг, ни уговоры Арнфрид, ни мысли о вновь обретаемой свободе. А вот Унн Весну жалеть не стала. Сказала так:

– Не понимает, глупая, своей удачи. Один из лучших людей конунга женой ее назовет, в крашенные одежды оденет, подарки станет из похода привозить. Все лучше, чем на датском берегу котлы чистить.

Зорянка тоже так думала, но сказать об этом сестре не смела. Время пройдет – сама поймет, что боги счастье всем посылают, только каждому свое и всем разное.

Маленькая Эсси благодаря ежедневной заботе ведуньи стала пытаться вставать на ножки, держась за чью-нибудь руку, и все реже плакала без причины. Смэйни и Сигрид всем об этом рассказывали, и мало-помалу люди стали приходиться к Йорунн со своими недугами. Она для каждого находила приветливое слово, ласковую улыбку или добрый совет, а приготовленные ею настои и отвары унимали боль, отгоняли хворь, а если надо – придавали сил. Одно теперь тревожило девушку: запасы трав в ларце могли закончиться еще до наступления холодов, а на острове не росло и десятой доли того, что нужно. Йорунн не знала, как ей быть. Хоть беги к конунгу и умоляй его послать снекку за травами.

Однажды Смэйни вернулась в дом затемно, молча поставила на огонь воду в маленьком котелке. Покуда ждала, села возле постели Хравна, горестно вздохнула, глядя на спящего ведуна. Йорунн не утерпела, спросила:

– Что-то случилось, Смеяна Глуздовна?

– А? – живо повернулась к ней старушка. – Ничего, дитячко, ничего... Смотрю я на него да гадаю: сколько еще старику отпущено? Любопытно мне, кто из нас другого переживет.

Девушка тихо проговорила:

– Если надо кому-то травы заварить, я помогу.

– Да ты отдыхай, милая. – Смэйни развернула какую-то тряпицу, высыпала на ладонь несколько засушенных листков, а потом бросила их в кипящую воду. По всему дому поплыл миротворящий мятный дух. – Сама справлюсь.

Долгождана привыкла к новому имени и к разговорам на чужом языке. Но к своему положению привыкнуть не могла, да и не понимала толком, кем осталась на этом острове: рабыней ее называть не смели, свободы никто не давал.

В то утро, когда Асбьерн ушел в море, она все же пришла на берег и увидела, как уплывает вдаль быстрая снекка. С берега кричали прощальные слова и пожелания удачи, но ни ярл, ни его хирдманны не обернулись – взгляд, брошенный через плечо из моря, сулил большую беду. Долгождана знала об этом, но все равно стояла и с надеждой смотрела вслед уходящему кораблю, и казалось ей, будто она упустила что-то неведомое, но очень важное.

Вечерами она вспоминала свой городок Радонец, стоящий недалеко от устья реки Воронки, широкий княжеский двор, светлую горницу, веселые голоса подруг и суровое лицо старшего брата, повторявшего: со двора ни ногой... Не послушалась, как всегда, вольной птицей полетела куда вздумалось, вот и долеталась. На чужой земле ветер крылья не расправит – истреplet все, только перышки по воде поплывут.

Потому и руки опускались, и дела не спорились, и на смотанной ею пряже появлялись узлы, а на вышитых платках, наоборот, исчезали – приходилось распутывать нить или спасать расплывающийся узор. И в вычищенной ею рыбе попадались чешуя и кости, а в перебранном зерне находили мелкие камешки. Унн вначале терпела, только головой качала и смотрела укоризненно. Потом начала выговаривать и упрекать...

– О чем задумалась, Фрейдис? – Ольва подошла к ней и села рядом. – Вижу, ты грустишь. Вспоминаешь свою семью?

Долгождана кивнула. Потом спросила о том, о чем давно хотела узнать:

– Скажи, Ольва, откуда ты? Как оказалась здесь, среди северян?

Девушка ответила не сразу. Видно, размышляла, стоит рассказывать или нет.

– Мое настоящее имя Оливия, что означает «Счастливая». Я родилась далеко отсюда, на юге, на острове Крит. Там тепло, там ласковое море и щедрая земля. Там растут плоды, о которых здесь никогда не слышали, и едва ли я смогу описать тебе их вкус. Много лет назад моя родина была великим государством, и доблестные герои нередко бросали вызов самим богам. А потом... народ измельчал и боги отвернулись от нас. На остров стали нападать смуглолицые разбойники, поклонявшиеся чужим богам, поэтому все мы, даже девочки, с детства учились владеть оружием. Я командовала отрядом и однажды вместе со своими воинами попала в плен. – Голос Ольвы зазвучал глухо. – Мне отрезали волосы. Я узнала, какими отвратительными могут быть мужчины и какими бессердечными бывают женщины. Меня продавали много раз, и я так устала от боли и унижений, что уже мечтала о смерти.

А потом я, измученная и озлобленная, попала к очередному торговцу. Среди прочих рабынь у него была медноволосая Лидия. Таких, как она, у нас называли порнайи – женщины, которые делают любовь своим ремеслом и ублажают мужчин. Она была очень довольна своим положением и мечтала поскорее попасть в объятия нового хозяина. И хвалилась, что за нее платили чистым золотом.

Нас долго везли по морю. Потом был шумный город в холодной стране. Бирка, так он назывался. Там мы и встретили Асбьерна. Лидия понравилась ему, и он заплатил за нее, не торгуясь. Тогда торговец сделал щедрому покупателю подарок. – Ольва усмехнулась. – Отдал ему меня, непокорную рабыню, которую все равно не надеялся сбыть.

– И Асбьерну ты покоришься? – недоверчиво посмотрела на нее Долгождана. Ольва негромко рассмеялась, покачала головой:

– Что ты! Я надеялась, он убьет меня, потому бросилась на него, как дикая кошка. Он оттолкнул меня, вытащил меч, а потом поглядел внимательно и... протянул его мне. Не острием – рукоятью. Мы стали сражаться. У Асбьерна был только нож длиной в две ладони, и он не нападал, лишь защищался, но я не смогла даже оцарапать его, хотя была опытной воительницей. А когда ему надоело, он легко выбил клинок из моих рук и сказал так: «Я даю тебе свободу, потому что хочу, чтобы ты победила свою судьбу». Потом забрал свой меч и ушел с Лидией, не взглянув больше ни на меня, ни на изумленного продавца.

После я долго сидела на берегу, вдыхая прохладный морской воздух и пытаюсь выплакать хотя бы малую часть своих горестей. А едва начало темнеть, отправилась искать ярла и его снекку. Я не знала языка северян, только два слова, подслушанные где-то в дороге: йельпе май... помоги мне. Но Асбьерну их было достаточно. Он взял меня с собой, и ему ни разу не пришлось пожалеть об этом.

– Давно это было? – спросила Долгождана.

– Три лета назад. – Ольва убрала под ремешок выбившуюся темную прядку. – Видишь, волосы еще отрасти не успели.

Прошло пять дней с тех пор, как снекка Асбьерна покинула Стейнхейм, и ярл почти все время проводил на носу корабля, глядя вперед, туда, где облака низко плыли над морем. Скоро должна была показаться земля, которую Вагн нарисовал на карте. День-другой пути вдоль пустынных скалистых берегов – и они увидят узкий залив и пологие лесистые склоны, обрамлявшие Вийдфиорд – так называли его рыбаки.

Пока же глаза ничего приметного не находили, и мысли Асбьерна обратились к тому, что случилось прошлым летом на берегу Восточного моря у словенских земель. Еще с той поры, как он очнулся в маленьком доме ведуньи, что-то неясное не давало ему покоя. Но память подсовывала лишь смутные обрывки: в ночи поднялась тревога... его хирдманны остались на берегу... Ормульв крикнул, что корабль загорелся... суета, языки огня и густой черный дым... он собирался сойти по веслу на берег, к своим людям... и вдруг – внезапная боль и темнота, которую прогнала сероглазая дочь Велены.

Отлеживаясь в холодной клетки, он все пытался вспомнить, что же произошло. Они пришли под белым щитом, вывешенным на мачте в знак мирных намерений, и словене встретили их настороженно, но без особого страха. Послали в город за князем, чтобы поутру вести разговор. Когда стемнело, драккар отвели подальше от отмели в море – мало ли что, а люди Асбьерна поставили на берегу шатер и развели костры. Ни ярл, ни Ормульв, ни их воины ничем не оскорбили жителей побережья. И все же на них напали. Посреди ночи, в темноте, как воры.

Но что-то во всем этом казалось ему странным, неправильным. Лучший из его хёвдингов, Бёрк, на берегу выставил караульных – почему те так поздно подняли тревогу? Ведь не мальчишки неопытные стражу несли. К тому же ни одного нападавшего Асбьерн так и не увидел, и возле драккара не было ни одной лодки. Быть может, корабль подожгли смоляными стрелами с берега? Ярл пытался понять и не понимал. Тогда и появилась страшная мысль: а были ли они вообще, эти самые враги? Или кто-то из своих задумал и совершил то, чему ни у богов, ни у людей оправдания не найдется?

Асбьерн отказывался в это верить. Такого просто не могло быть. Про словен его не зря предупреждали: мол, хитрый народ, обидчивый да злопамятный. Да и то, что ведунья прятала его от любопытных глаз в своем доме, говорило о том, что во всем виноваты словене. А расспрашивать он не стал, рассудив, что едва ли девушка, живущая вдалеке от всех, знает, что случилось на самом деле.

Много дум тогда передумал ярл. И с каждым днем крепла в нем уверенность, что нужно скорее возвращаться на Хьяр. Тревожно ему вдруг стало за побратима.

И так некстати уже перед самым уходом хмельной волной накрыла его любовь...

Когда-то давно друиды предрекли Асбьерну небывалую удачу во всем – но лишь до тех пор, пока в его сердце не появится женщина. Тогда, сказали они, большая любовь принесет немалую боль. Мог ли он знать, что здесь, на чужом берегу, встретит ту единственную, ради которой захочется бросить вызов недоброму предсказанию? А оно с первых дней начинало сбываться. Кто бы стал платить свадебный выкуп вероломным словенам? Кто бы из словен согласился отдать за него, чужеземца, любимую дочь? Да и только глупец мог решиться на голые камни, на бесплодный остров привезти молодую жену!

Потому однажды на рассвете он покинул лесной приют и отправился на север, надеясь успеть до холодов, до того, как замерзнет Восточное море. Но в разлуке любовь не прошла, и обещанная боль с новой силой ужалила в сердце, когда этой весной ярл увидел свою ненаглядную на палубе корабля среди пленниц...

Долгождана сидела за высоким столом в доме Хравна и смотрела, как Йорунн заваривает травы для Ингрид, у которой с утра прихватило живот. Кроме них, никого больше в доме не было – Смэйни нянчила своих девочек, старый ведун вместе с конунгом отправился на капище просить богов об удаче для Асбьерна. Они теперь каждый день делали это.

– Скажи, говорил ли Асбьерн с тобой о любви? – вдруг спросила Долгождана подругу. Рука ведуньи с деревянной ложкой на мгновение замерла, потом снова пошла по кругу, размешивая кипящий отвар.

– С чего бы ему вздумалось? – удивилась Йорунн. – Я вроде повода не давала.

– Ходят слухи, что ярл прошлой осенью вернулся на остров сам не свой. – Долгождана вздохнула, подперла щеку ладонью. – После того, как у тебя погостил, даже на Лив не взглянул ни разу. Может, ты зелье целебное с приворотным попутала да опоила его случайно?

– Что ты! – отмахнулась подруга. – Такое не спутаешь! И тебе ли не знать, что я зелья приворотные отродясь не готовила и не буду. Колдовством любовь не заменишь, счастье не приманишь.

– Да шучу я. – Долгождана задумчиво смотрела в огонь. – Только Асбьерн и правда тогда тебя полюбил. И волчицу твою спас, и на лодье подошел сразу, и даже бежать предлагал, своих

не побоялся. А потом сделал все, чтобы свободу тебе вернуть. Он надеется, что и ты его тоже полюбишь. Я слышала, как он сказал: подожду еще, а если затоскует, домой запросится – сам отвезу.

Некоторое время Йорунн молчала, не зная, что и ответить. Потом спросила:

– Ярл так и сказал: мол, сам отвезу Йорунн домой?

– Так и сказал, – кивнула Долгождана. – Правда, по имени не называл, но я сразу подумала...

– Ах, вот оно что! – перебила ее ведунья и рассмеялась. – Мне-то казалось, что Асбьерн тебе свое сердце отдал. Иначе зачем он тебя на волчицу выменял, на острове оставил, в доме со свободными поселил?

– Я его о том спрашивала, – призналась Долгождана. – Он сказал, что оставил меня для того, чтобы ты без подруги не заскучала. А когда узнал, что я княжна, стал выведывать, что там братья мои против них, северян, замышляли. Какая же это любовь, Любомирушка? Да и с чего ей быть? Это ведь ты его подобрала, выходила, к жизни вернула...

– Погоди, – вновь перебила Йорунн. – Ярл не забыл того, что я для него сделала, но ни разу не попросил меня сесть рядом, не заговорил о свадебном выкупе. А вот когда Хравн открыл ему правду о тебе и предложил взять с твоих братьев богатый выкуп, Асбьерн ответил, что сам бы князю его заплатил. Я еще удивилась: чего это он? Неужто влюбился?

– Точно ли так сказал? – недоверчиво прищурилась Долгождана. – Может, ты что-то напутала? Не на словенском ведь шел разговор.

– В словах могла ошибиться. – Йорунн накрыла глиняную миску кусочком ткани и стала осторожно процеживать отвар. – Но я помню, как он тогда смотрел на тебя. И видела его лицо в то утро перед отплытием, когда ты не пришла его проводить.

Над узким проливом нависали тяжелые, хмурые скалы. По приказу Асбьерна снелка пошла медленнее, потом и вовсе остановилась. Но никто не зажигал костров, не спешил сообщить о прибытии незваных гостей. Со стороны моря фиорд казался безжизненным и холодным.

– Правьте к берегу, – велел ярл. – Но сперва прощупайте дно.

Торд был хорошим кормщиком, но в незнакомом фиорде привык доверять не столько чутью и карте, сколько длинной жерди, которой мерили глубину и отыскивали подводные камни. Дважды снелка проходила над отмелью, и хирдманны слышали, как киль ее касается дна. Затем все стихло. Корабль плыл над глубокой водой.

Пролив все расширялся и вскоре превратился в большой круглый залив. Снелка шла на веслах, и гребцы с любопытством смотрели по сторонам. Вийдфиорд не был похож на Хьяр – здесь скалы не взмывали в небо остриями мечей, не пугали своей крутизной. Здесь подножия гор покрывала бархатная зелень, на пологих склонах росли густые сосновые леса, удобные тропы вели наверх, к горным пастбищам. Спокойная и сытая жизнь должна была радовать здешних хозяев.

– Вижу жилой двор, – сказал один из хирдманнов.

На берегу уже можно было разглядеть большие корабельные сараи, а чуть дальше – несколько домов с плоскими крышами, покрытыми дерном. Но сколько Асбьерн ни вглядывался, сколько ни вслушивался, не увидел ни одного человека, не услышал ни стука топора, ни мычания коров, ни женского смеха, ни детского крика. Это было очень странно.

И все же он велел подойти ближе и высаживаться на берег. Не всем это пришлось по нраву, но приказ оспаривать никто не посмел. Вождь лучше знает, что делать и когда следует опасаться. Тем более такой вождь, как Асбьерн Счастливый.

Возле корабельного сарая они заметили лодки, перевернутые не бурей – заботливыми руками хозяев. Неподалеку на камнях сушились сети. Ярл задумчиво усмехнулся и первым

сбежал по веслу на берег, прошелся возле кромки воды, оглядываясь. Следом за ним начали спускаться хирдманны.

И тут они слышали громкий и яростный собачий лай. Прямо на них из-за дальних домов неслась огромная песья стая. Впереди бежал вожак – крупный, светло-серый, похожий на волка, только с загнутым на спину пушистым хвостом.

– Асбьерн! – крикнул со снелки Торд. – Возвращайся на корабль!

Но ярл упрямо мотнул головой и остался стоять на берегу, не показывая ни страха, ни волнения. Не стал вытаскивать меч, не полез за ножом, даже плащ не снял, чтобы было чем отмахнуться от свирепой стаи. Просто стоял и ждал. Его люди остались возле снелки, готовые, в случае чего, прийти на помощь вождю.

Собаки налетели, окружили Асбьерна, продолжая заходиться лаем. Ярл оглядел десятка два оскаленных морд, нашел вожака и спокойно сказал ему:

– Мы пришли с миром. Клянусь, что ни один из нас не причинит зла людям, живущим здесь. Ты знаешь, что я говорю правду, потому что в сердце моем нет страха.

И, продолжая смотреть в глаза вожаку, медленно протянул ему раскрытую ладонь.

Хирдманны замерли, глядя на них. Некоторое время огромный пес продолжал угрожающе рычать, потом замолчал, шумно втянул влажным носом воздух и подошел ближе к ярлу. Обнюхал его руку, затем сапоги... и вдруг завилял хвостом, заскулил, припал к земле, словно игривый щенок, а потом поднялся на задние лапы, уперся передними в грудь Асбьерна и принялся вылизывать ему лицо. Остальные псы, радостно тявкая, запрыгали вокруг.

– Ну, уймись, уймись, – добродушно проворчал Асбьерн, стараясь лаской уговорить собаку. Получилось у него не сразу. Наконец вожак закончил приветствовать гостя, отошел в сторону, повернулся к домам и несколько раз отрывисто взлаял. На его зов из жилищ стали осторожно выходить люди – девушки, женщины, малые дети, ребячьи постарше, несколько стариков. Первым подошел рослый, худой, не старый еще мужчина, в светлых глазах которого Асбьерн увидел не столько тревогу, сколько надежду.

– Мир твоему дому, человек, – проговорил ярл.

Суровое, обветренное лицо мужчины дрогнуло. Он обернулся к своим и крикнул срывающимся от волнения голосом:

– Вождь! Вождь пришел!

Рослого мужчину звали Эйрик Тормундссон. Когда-то он был хирдманном здешнего хёвдинга Дитвинда Жестокого, а теперь стал за старшего в Рикхейме – так называли жители Вийдфиорда свой дом. Вот что рассказал Эйрик Асбьерну и его людям.

Вийдфиорд издавна был богат и землями, и лесами с дичью, и промысловой рыбой, да и защищен лучше других – не зная дороги, многие чужеземные корабли садились на мель в проливе между скалами или шли на дно с пропоротым брюхом. Так что люди здесь жили, не зная беды, в достатке и сытости, и не могли припомнить, случались ли когда голодные зимы, чтобы нечего было есть. Но, видно, такая жизнь не пошла на пользу последнему хёвдингу, Дитвинду. Стал он скуп, отгородился от всех, оттого даже прозвали его Дитвинд Жадный. Был у вождя единственный сын, Дунгват, которого воспитывали в Свеаланде. Когда ему исполнилось семнадцать зим, он вернулся к отцу и привез с собой подарок от свейского ярла – двух подросших щенков охотничьей лайки. С такими собаками в Свеаланде ходили на медведя и лося, на них ездили в санях упряжках, они сторожили дома и скот.

Лайки прижились в Рикхейме, и каждый год в своре появлялись новые щенки. Крупные, выносливые псы были подспорьем и охотнику и пастуху, они отважно бросались на врага и при этом были ласковы с детьми. Многие соседи и гости готовы были платить серебром за пару таких собак, но Дитвинд Жадный ни одной не продал. Зато когда лаек в Рикхейме стало

слишком много, он приказал безжалостно топить новорожденных щенков, оставляя в помете лишь одного, самого крепкого.

А несколько зим назад к Дитвинду приплыла снечка от его младшего брата. У того на его земле случился неурожай, люди голодали, и брат попросил брата о помощи. Но хёвдинг велел им уплыть восвояси, хоть и говорил ему старый провидец Вейт, что не годится так поступать. Даже молодой Дунгват уговаривал отца помочь кровному родичу. И все же Дитвинд никого не послушал. Лишь рассмеялся, когда мудрый Вейт сказал ему, что боги такого не забывают и сурово карают того, кто противится их воле.

Снечка тогда уплыла ни с чем, а Дитвинда хёвдинга все стали называть Жестоким. И с той поры удача отвернулась от его рода. Спустя год погиб единственный сын хёвдинга – страшная буря разметала в щепки его драккар, отправила на дно и молодого Дунгвата и всех его воинов. Следом один за другим случились два неурожая, словно сам Фрейр затворил чрево земле. А потом пришла лютая холодная зима, после которой в Рикхейме начался мор. Неведомая прежде хворь в одночасье поселилась во всех домах, и очень скоро повсюду слышался плач по умершим и стоны еще живых. Целители трудились день и ночь, чтобы спасти тех, кто заболел, но запасов зелий и трав на всех разом хватить не могло... Дитвинд хёвдинг умер одним из последних, насмотревшись, как гибнут те, чьи жизни вверили ему боги. И некому было достойно снарядить в последний путь ушедшего вождя – его тело сожгли на берегу вместе с остальными умершими, прах развеяли по ветру, и не осталось от Дитвинда Жестокоего на этой земле ничего, кроме дурной славы.

Старого Вейта боги пощадили. Он умер совсем недавно, до последнего дня прося у своих покровителей милости и прощения. И перед смертью было ему даровано видение о том, что великий вождь придет сюда на лодье со своими людьми и свирепые псы хёвдинга признают в нем хозяина. Страшной клятвой связал Вейт всех, кто остался в живых: заставил пообещать, что примут они руку нового вождя и будут служить ему так же, как служили Дитвинду хёвдингу. Только тогда боги вновь пошлют удачу жителям Рикхейма и вернут плодородие здешней земле.

– Потому просим тебя, – проговорил Эйрик Тормундссон, заканчивая рассказ, – будь нашим вождем, Асбьерн Счастливый. Не откажи.

Некоторое время ярл молчал, обдумывая услышанное. Потом заговорил:

– Когда-то я тоже все потерял – дом, семью, верных людей, и все же мечту править на своей земле не оставил, потому что родился вождем. Но в трудную минуту я принес клятву Эйвинду конунгу, моему побратиму: пообещал, что до тех пор, пока он не вернет утраченное, я никого под свою руку не возьму.

Горестный стон прокатился по толпе, но Асбьерн сделал знак и все замолчали.

– Мы искали хорошие земли, чтобы переселить наших людей с бесплодного острова Хьяр, а потом построить драккары и отправиться отвоевывать остров Мьолль, чтобы его хозяином вновь стали называть конунга из рода Ульва, Эйвинда Торлейвссона. Как только это произойдет, клятва будет исполнена и я сам смогу стать вождем. До той же поры мой вождь – Эйвинд.

После краткого раздумья Эйрик Тормундссон произнес:

– Что ж, тогда пусть люди Эйвинда конунга переселяются к нам. Рикхейму и помощь нужна и защита. Только скажи побратиму, чтобы обиды не было: мы под твою руку встанем и вождем признаем тебя одного. Больше никто на этой земле не нарушит волю богов.

– Быть посему, – ответил Асбьерн. – А я не предаю тех, кто поверил мне. Обещаю.

И крепко обнял Эйрика.

Все, что спряла Долгождана за вечер, вновь оказалось испорчено. Унн, не скрывая досады, размотала клубок, и добротная шерстяная нить распалась на короткие, в четверть локтя, обрывки. Из такой уже ничего не свяжешь, разве что на штопку пустить.

– Мы с Фрейдис вместе сидели за работой, – вступилась за девушку Хельга. – И я видела, что нить была целой!

– Я тоже видела, – подала голос Лив.

Арнфрид взяла из рук матери пряжу, оглядела ее и сказала:

– Такое бывает, если клубок протыкают ножом с разных сторон.

Долгождана растерянно посмотрела на нее. Потом справилась с нахлынувшим было стыдом и проговорила:

– У нас бы подумали, что домовый пакостит. Он, если кого невзлюбит, вредничать начинает.

– О словенских духах-хранителях дома я слышала от мужа, – сказала Унн. – И он говорил, будто эти духи не любят тех, кто работает кое-как.

Долгождана опустила глаза. Что ж, пусть упрекают в нерадивости, она-то лучше знала, чем провинилась перед здешним домовым. Все в этом доме любили синеглазого ярла, и теперь незримый хранитель мстил ей одной за то, что возомнила себя особенной, не ответила на любовь Асбьерна, не пошла, неблагодарная, его провожать. А случись с ним в дальнем краю беда – станут ли другие оберегать ее так же, как он? Или вспомнят, что она простая рабыня, которую вовсе не обязательно о чем-либо спрашивать или жалеть...

– Не плачь, – уже мягче проговорила Унн. – Люди здесь не верят в домовых, они верят в ниссов¹⁴ и двергов¹⁵ – темных альвов, которые, по слухам, те еще озорники. Сходила бы ты к Хравну да узнала, как их отвадить.

Унн забрала корзину с пряжей и вышла во двор. Долгождана догнала ее уже возле длинного дома.

– Госпожа! – окликнула она хозяйку. Та обернулась, и девушка осмелилась спросить ее: – Госпожа Уинфрид, а кто такие альвы?

– Там, где я родилась, – ответила Унн, – альвами называли лесных духов, живущих в королевстве Альвхейм, которое не дано увидеть человеку. Эти духи обликом прекраснее, чем солнце – высокие, стройные, с яркими глазами цвета неба или весенней листвы. Говорят, альвы знали колдовские секреты и повелевали силами природы, и часто бывало так, что своей красотой они пленяли сердца смертных мужчин и женщин. – Она улыбнулась и добавила шепотом: – В семье Асбьерна верили, что один из его далеких предков взял в жены дочь бессмертного альва. Может, и так, ведь в роду МакГратов все были очень красивы. Правда, никто из них не умел колдовать.

– Говорят, ярлу всегда и во всем сопутствует удача, – сказала Долгождана. – Это ли не колдовство?

Унн снова улыбнулась и погладила девушку по щеке:

– Боги любят Асбьерна за храброе сердце и чистую душу, оттого и благоволят ему. Верю, что однажды и златокудрая Фрейя, которой он тщетно возносит молитвы, одарит его своей милостью.

На седьмой день после того, как снелка Асбьерна ушла в море, на горизонте показались полосатые паруса кораблей датского хёвдинга Вилфреда.

¹⁴ Ниссы – в скандинавской мифологии – помощники, добрые духи дома, вроде славянских домовых.

¹⁵ Дверги (или цверги, черные альвы) – горные духи, труженики, хранители кладов и сокровищ, внешне обычно не слишком приятные.

Этого гостя давно ждали в Стейнхейме, поэтому стали готовиться к встрече. Рабыни и жены варили ячменное пиво, пекли хлеб, натопили баню и по совету Йорунн запарили в чане душистые травы, чтобы потом плескать на раскаленные камни.

Эйвинд конунг велел своим хёвдингам собрать оружие и запереть его в сундуках. И напомнил воинам, чтобы вели себя достойно: не мешали гостям веселиться, но и не позволяли никого обижать.

– Датчане пробудут у нас недолго, – сказал он. – Им нужно успеть домой до праздника Мидсумар. Так пусть они потом всем рассказывают, что нигде их не принимали так хорошо, как в Стейнхейме!

Датских кораблей было три: черный драккар Вилфреда хёвдинга и два кнорра, один большой, другой поменьше. Их встретили на берегу приветственными криками и живо поднесли сходни, едва только лодьи уткнулись в прибрежный песок. И вскоре Вилфред хёвдинг по прозвищу Скала с радостным смехом обнимал и хлопал по плечам Эйвинда конунга и многих других, кого хорошо знал.

– А ты все не меняешься, Вилфред, – сказал датчанину Ормульв. – Только седины больше стало. Одно слово – Скала!

Хёвдингу было уже больше пятидесяти зим, и у себя на родине он слыл великим воином. Сам датский конунг прислушивался к его советам.

– В этот раз я решил взять с собой старшего сына, Инрика, – сказал Вилфред. – Помнишь его, Эйвинд? Он привел для тебя кнорр, как и было условлено.

Высокий русоволосый воин в богатом плаще сбежал по сходням и подошел к ним. Последний раз Эйвинд видел Инрика еще мальчишкой и заметил, что с годами тот все больше становится похож на отца. Будет кому продолжать славные деяния рода.

– Рад тебя видеть, Эйвинд конунг, – проговорил сын хёвдинга. – Хочешь осмотреть свой новый корабль?

– Плох тот хозяин, который сразу начинает говорить о делах, – улыбнулся Эйвинд. – Завтра погляжу на кнорр, а пока смойте с себя усталость и приготовьтесь пировать до тех пор, пока не стемнеет!

В честь прибытия датчан собрали богатый пир. Едва закончили накрывать столы, Унн велела Фрейдис и младшим девчонкам возвращаться в женский дом и не выходить оттуда без ее позволения. А чтобы без дела не сидели, выдала им по плоской деревянной игле да по клубку шерсти – рукавицы вязать.

Прочие рабыни остались прислуживать на пиру. Осталась и Ольва, привыкшая сидеть на таких праздниках рядом с Иваром и Унн. А Зорянку-Сванвид никто и спрашивать не стал: место невесты – рядом с женихом, особенно если жених – младший брат конунга. Датчане разглядывали ее, кивали, поглаживая усы, – хороша! – а робкая Сванвид сидела, словно при мороженная к скамье, и мечтала только об одном: сбежать оттуда да поскорее.

Йорунн тоже хотела остаться – здешние пиры были для нее в диковинку, но приковыляла Смэйни, заохала, мол, с утра спину ломит, отвару бы целебного испить. Да еще попросила девушку заварить травы для Хравна – старика опять мучил кашель, и сказала, что Сигрид принесла маленькую Эсси: нездоровится девчонке, застудили, кажется.

– Ну и дела! – всплеснула руками Йорунн. – Пойдем тогда скорее, матушка.

В это время в дружинный дом как раз входил Эйвинд конунг, а с ним датский вождь и его сын. Ведунья с улыбкой поклонилась им и быстро выскользнула за дверь. Инрик проводил ее взглядом.

– Эйвинд, кто эта девушка? – спросил он.

– Которая? – рассеянно отозвался конунг.

– Темноволосая красавица, – объяснил Инрик. – Только что мимо прошла.

– Ее зовут Йорунн, – коротко ответил Эйвинд. И больше ничего добавлять не стал.

Праздник удался на славу, и Вилфред хёвдинг то и дело брал в руки звонкую арфу или лангелейк¹⁶, чтобы сказать о гостеприимстве и щедрости хозяина Стейнхейма. Про него не зря говорили, что он умел лучше многих слагать висы¹⁷ – ни у сына его Инрика, ни у Эйвинда не выходило так хорошо, как у Вилфреда Скалы. Мог с ним поспорить разве что Асбьерн, и хёвдинг не раз пожалел о том, что ярла сейчас не было с ними.

Девять зим назад он и его люди помогли молодому Артэйру отомстить за погубленную семью, наказать разбойников и предателей. Вилфред поначалу не очень-то доверял мальчишке-скотту, который собрался натравить его викингов на одного из хьяльтландских эрлов и захватить принадлежавший ему замок. Датский хёвдинг не хотел вмешиваться в междоусобные войны и не стал бы слушать того, кто надеялся на победу, оплаченную чужой, купленной кровью. Но молодой эрл и его люди вызвались идти в бой наравне со всеми, а сам Артэйр показал себя отчаянным храбрецом, решив потайными ходами пробраться в замок и открыть ворота людям Вилфреда. И когда ему это удалось, хёвдинг подумал, что было бы неплохо, если бы у его подрастающего в Готланде сына появился такой смелый и хитроумный наставник. А увидев, как сражается Артэйр МакГрат и как падают враги, сраженные его мечом, он решил предложить юноше отправиться с ним в Готланд и назваться одним из его сыновей. Даже новое имя ему придумал: Асбьерн, Медведь Богов.

Он еще не знал тогда, что Артэйр и Эйвинд уже совершили обряд побратимства, призвав в свидетели северных и хьяльтландских богов. И что молодой эрл, понимая, что после учиненной им расправы будет объявлен вне закона, принял решение плыть вместе с Эйвиндом и Ормульвом на остров Хьяр. Вилфред не стал его отговаривать – Артэйру и без того было известно, что впереди его ждет нелегкая жизнь, потому он не позвал с собой никого из своих людей. Но нашлись те, кто по собственной воле ушел с молодым вождем. Среди них были братья Фарланы – Бирк, Стин и Роари, и, конечно же, Уинфрид с маленькими дочерьми.

Придуманное хёвдингом имя пришлось по душе молодому скотту. И после того, как Артэйр МакГрат навсегда простился с эрлом Рейбертом и с родиной своих предков, на палубу датского корабля поднялся побратим Эйвинда Торлейвссона, викинг по имени Асбьерн, которого позже люди прозвали Счастливым.

Для дорогих гостей Эйвинд велел открыть один из бочонков с вином, и Халльдор не замедлил угостить заморским напитком свою невесту. Зорянке вино понравилось больше, чем пиво, только с непривычки девушка быстро захмелела и, забыв о смущении, стала поглядывать по сторонам, смеяться удачным шуткам и не убрала руку Халльдора, когда тот в очередной раз обнял ее.

Гости веселились от души. Соскучившиеся по женской ласке хватали пробежавших мимо пригожих рабынь, сажали их за стол, угощали пивом и сыром, а потом тянулись поцеловать. Один из датских хирдманнов поймал за руку Весну, разливавшую пиво, подвинулся на скамье, освобождая место рядом с собой. И тут же почувствовал тяжелый взгляд человека, сидящего напротив. Лодин не стал ничего говорить, просто смотрел – и датчанин, годившийся ему в сыновья, замешкался, отвел глаза и выпустил руку девушки. Перепуганная Весна торопливо наполнила его рог и поспешила дальше. Но теперь если кто-то пытался обнять ее или усадить себе на колени, она поворачивалась, ища взглядом Лодина, и воины оставляли ее в покое.

¹⁶ Норвежский струнный музыкальный инструмент, напоминающий русские гусли.

¹⁷ Короткая хвалебная песнь у скандинавов. Может рассказывать о поединке, сделке, свидании, краже, случайной встрече, о свидении и пр.

Ольва на пиру почти не брала в рот хмельного, и Лейдольв, заметив это, сказал:

– Женщины не пьют, если боятся, что пиво заставит их выдать сердечные тайны.

– Или если просто не хотят пить, – отозвалась девушка. Но насмешник не унимался:

– Признай, что опасаясь во хмелю сказать при всех, что я нравлюсь тебе, и набросишься на меня с поцелуями!

– Будь так, я опасалась бы, что, обнимая, переломаю тебе все кости, а то и ненароком придушу, – рассмеялась Ольва. – Не хватало еще виру платить за тебя конунгу.

Сидевшие рядом воины расхохотались. Если бы не хмельное веселье, царившее на пиру, Лейдольв не спустил бы такой обиды. Но он тоже рассмеялся и сказал:

– *Жена мужевидная*

Силой хвалилась,

Рабынь обнимала,

Замуж звала их,

Лишнего выпив.

Хирдманны захохотали еще пуще, хлопая себя по коленям – шутка понравилась. Краска бросилась в лицо Ольве, между бровями залегла гневная складка. Захотелось вскочить и выбежать прочь – а как убежишь, не придумав достойного ответа? Вот только висы сочинять она не умела, поэтому, спрятав досаду, выхватила из рук Лейдольва наполненный рог с пивом и под восторженные крики выпила его до дна. Пусть не думают, что она чего-то боится. И пусть одноглазый зубоскал не надеется: на празднике она покажет, кто из них горазд лишь языком трепать!

Пировать закончили ближе к рассвету. Перед тем, как лечь спать, Вилфред хёвдинг сказал Эйвинду:

– Один из моих воинов, Хрёрек, недавно был ранен в бою. Рана затянулась, но не перестала болеть. А сегодня в бане я заметил, что плечо Хрёрека распухло и самого его лихорадит. Помню, ведун твой сведущ в целительстве; может, сумеет помочь?

– Хравн никому в помощи не отказывал, – ответил Эйвинд. – Утром пойдем к нему.

– А если он не поможет, – подхватил Ормульв, – ведунью попросим.

– Ведунью? – удивился Вилфред, не замечая, как изменилось лицо конунга.

– Йорунн, – усмехнулся Ормульв. – Девушка, которую боги наделили умением исцелять.

– Та самая Йорунн? – переспросил Инрик. – Темноволосая красавица? Что же ее на пир не позвали?

– Может, Хравну опять нездоровилось и она с ним сидела. Или зелья свои делала, – простодушно пояснил хёвдинг, не замечая хмурого взгляда Эйвинда.

– Да кто бы ни взялся лечить, лишь бы помогло! – отмахнулся датский вождь. – Утром решим.

Эйвинд молча кивнул.

Когда поутру гости проснулись, Эйвинд конунг сам проводил Вилфреда и Хрёрека к дому ведуна. И не удивился, когда Инрик вызвался идти с ними.

Старый Хравн только что вернулся с прогулки по берегу и отдыхал, ожидая, когда Смэйни принесет ему поесть. Он бегло ощупал красное, раздутое плечо датчанина и спросил:

– Когда вынимали стрелу, заметили, что наконечник раскололся?

– Я сам ее выдернул, – поморщился Хрёрек. – Мы сражались, некогда было разглядывать.

– Отколотый кусок остался внутри, – проговорил ведун. – Придется надрезать кожу и вытащить его, иначе ты потеряешь руку или умрешь через несколько дней. Я бы помог тебе, но молодые глаза лучше старых, а молодые пальцы проворнее и сильнее. Пусть Йорунн достанет осколок.

– Где же она? – нетерпеливо спросил Инрик.

– За молоком пошла, – ответил ему Хравн. – Сейчас придет.

– Вот что, – повернулся к молодому датчанину Эйвинд. – Нечего здесь без особой надобности стоять. Ты мне кнорр обещал показать. Идем.

Сын хёвдинга вышел вслед за ним, но без особой охоты. А вскоре вернулась Йорунн. Поклонилась гостям, поставила горшочек с молоком на стол, обтерла чистой тряпицей руки и внимательно выслушала Хрёрека. Потом велела ему сесть на лавку, осмотрела плечо. Осторожно потрогала потемневшую кожу вокруг затянувшейся раны.

– Жар у тебя, – сказала Йорунн датчанину. – Сейчас травы заварю, выпьешь две кружки. Один отвар боль унимает, другой кровь очистит. Потом буду осколок вытаскивать.

Она прикрыла глаза и склонила голову, мысленно обращаясь к Великой Матери и прося ее о помощи. Затем развела огонь и повесила над очагом котелок с водой. Пока закипала вода да настаивались отвары, молодая ведунья приготовила чистые лоскуты, достала из ларца и обдала кипятком один из серебряных ножей, смешала в глиняной миске особые травы, растолкла их ступкой, запарила и сделала целебную мазь. После того, как Хрёрек выпил оба отвара, Йорунн взяла нож и, что-то негромко напевая, одним коротким, стремительным движением провела по нарыву и тут же приложила чистую тряпицу. Датчанин не издал ни звука, пока она вычищала рану, и только хрипло охнул, когда пальцы девушки нащупали застрявший обломок.

– Потерпи, – сказала Йорунн. – Я быстро.

– Тащи, женщина! – прорычал изнуренный болью викинг. – Во имя Одина!

Ловким и точным движением она поддела обломок и выдернула его. После чего еще раз промыла рану, стянула ее края, наложила сверху пропитанную мазью лоскут и сделала тугую повязку. А потом шепотом прочитала заговор на неведомом датчанам языке.

– Травы оставшееся вытянут, – пояснила девушка. – А слова, обращенные к Великой Матери, придадут тебе сил и помогут ране быстрее зажить. Но ты все равно должен прийти ко мне после полудня и вечером, чтобы выпить целебное зелье и сменить повязку.

Хрёрек пробормотал слова благодарности и стал осторожно натягивать рубаху. А Вилфред хёвдинг усмехнулся в густые усы, покачал головой и уважительно сказал:

– Ты так молода, но во врачевании ран сведуща. Повезло людям Эйвинда с целительницей, а старому Хравну – с внучкой. Спасибо тебе.

Йорунн ничего не ответила, только улыбнулась и поклонилась вождю. А Хравн не услышал слов хёвдинга. Он спал.

В этот день хозяева и гости были заняты торгом. Датчане разгрузили кнорры, люди Эйвинда собрали все, что предназначалось для обмена и продажи. Вожди осмотрели товары, пересчитали, договорились о цене. Вывели рабов-словен, и Вилфред велел им снять рубахи, чтобы убедиться, что они крепки телом, не больны и не увечны. После Унн привела девчонок-рабынь. Хёвдинг скользнул по ним взглядом, махнул рукой: сгодятся... Весна стояла и смотрела на датские корабли, пыталась представить себя на качающейся палубе, в темном трюме, потом – на неведомом берегу среди чужих людей. Далеко за морем останется любимая сестренка Зоряна, умница Йорунн, ловкая Ольва, строгая, но добрая Унн, и каждый день сердце Весны будет разрываться от тоски. Но потом она представляла себя в объятиях Лодина... и снова переводила взгляд на кнорры.

Вилфред хёвдинг ушел, и девчонкам велели возвращаться к работе, сказали, что датчане заберут их завтра утром. Новость не была радостной, но плакать никто не стал.

После полудня Йорунн сменила повязку Хрёреку, а потом взяла глиняную плошку, молоко, оставшееся от завтрака, и отправилась в женский дом. Накануне Долгождана пожало-

валась ей на шаловливого духа, который взялся ее изводить и в работе пакостить. Посоветовавшись с мудрым Хравном, Йорунн решила задобрить здешнего домового угощением и уговорить его вести себя смирно.

Выпроводив девчонок во двор, молодая ведунья закрыла за собой дверь и огляделась. Некоторое время она молча стояла возле очага, прислушиваясь к чему-то, ведомому лишь ей одной, потом распустила косу, сняла пояс, поклонилась каждому из четырех углов и стала медленно ходить посолонь, приговаривая:

– Кто бы ни был ты, озорная душа, услышь мои слова, не откажи в просьбе! Смилуйся, девкам вредить перестань, шерсть не режь и не путай, вышивку не порти, сор в еду не кидай! Если прогневали чем – прости, хозяин ласковый! И пуще всего не обижай Долгождану-Фрейдис, лучше лишний раз помоги ей да защити. А мы тебя за то каждый день угощать будем.

Девушка налила молока в плошку и поставила ее в самый темный угол под лавку. Потом снова поклонилась, завязала пояс и стала неторопливо заплетать косу. Дом казался ей тихим и уютным – должно быть, дух-хранитель услышал ее и угомонился. Вот отведаст свежего молочка да и забудет про всякие пакости...

Дверь скрипнула. На пороге появилась медноволосая Лив.

– Что ты тут делаешь? – удивилась она.

– Слухи пошли, будто нечисть в доме озорует, – объяснила Йорунн. – Вот я и пришла с ней побеседовать, попросила впредь не баловать и не вредничать.

– Хорошо, если она тебя послушает, – отозвалась Лив. – А то Сванвид ложится спать, накрывшись с головой одеялом: ей всюду дверги мерещатся.

Она прошла мимо Йорунн и села на лавку. Смерила девушку любопытным взглядом:

– Правду ли говорят, что ты многое умеешь?

– Лучше прямо скажи, что тебе нужно, – усмехнулась молодая ведунья, перевязывая косу лентой.

– Хочу, чтобы тот, кого я люблю, навеки моим стал, – ответила Лив. – Замуж за него хочу.

Йорунн внимательно посмотрела на нее:

– А любит ли он тебя?

– Любит, – вздохнула медноволосая красавица, – но не торопится хозяйкой в дом ввести. А мне свободу получить хочется, женой законной назваться, сына ему подарить. И он счастлив будет, и меня люди станут уважать.

Йорунн понимающе кивнула. Взяла с полки кружку, плеснула туда чистой воды. Потом спросила:

– Как его зовут?

– А тебе зачем? – прищурилась Лив.

– Наговоренную водицу сделать, – пояснила девушка. – Чтобы любимый твой всей душой к тебе прикипел. Только заговор не получится, если имени не назвать.

Лив замялась, отвела взгляд. Нехотя ответила:

– Асбьерн ярл.

– Вот оно что, – задумчиво проговорила Йорунн, впрочем, без особого удивления. – Тут я вряд ли чем помогу. Проще утес приворожить и на тебе женить, чем Асбьерна ярла. У вождей от колдовства защита сильная, сами боги их охраняют.

– Но ты-то, говорят, ведунья всесильная, – стала упрашивать Лив. – Подумаешь, на водичку пошептать... Вдруг да и получится?

Йорунн усмехнулась, опустила вспыхнувшие озорством глаза, поднесла кружку к губам, шепотом произнесла несколько слов и протянула красавице наговоренную воду:

– Вот, возьми. Выпей сейчас и до захода солнца думай об Асбьерне. Но учти: если ты меня обманула и ярл не любит тебя, наговор проклятием обернется. Пойдут неудачи одна за другой, беды да болезни, а может, даже и смерть. Будь осторожна.

Сказала, улыбнулась и пошла к дверям. И краем глаза увидела, что Лив растерянно смотрит в кружку с водой, а отхлебнуть из нее не решается.

Когда Йорунн проходила мимо дружинного дома, ее окликнули. Девушка обернулась – голос был ей незнаком, и увидела молодого датчанина, в котором только слепой не признал бы родную кровь Вилфреда хёвдинга. Ведунья приветливо улыбнулась, и сын вождя сказал ей:

– Мое имя Инрик Вилфредссон. Последний раз я был на острове Хьяр давно, еще мальчишкой. Не сходишь ли со мной прогуляться по берегу и не расскажешь ли, как вы тут живете?

Йорунн заглянула в его светло-серые глаза и, подумав, ответила:

– Если матушка Смэйни позволит – пойду.

Смэйни в доме не оказалось, и девушка решила, что ничего плохого не случится, если она среди бела дня на глазах у всех пройдет вдоль берега с сыном вождя. Они спустились к морю, и разговор у них сразу заладил. Йорунн поведала Инрику о жизни на острове, а он показал ей датские корабли и стал рассказывать о своей стране, о морских походах и о сражениях, в которых участвовал. Йорунн слушала его с интересом, смеялась, когда он вспоминал что-то забавное, а Инрик все норовил то коснуться ее руки невзначай, то соринку с плеча смахнуть.

Ормульв хёвдинг первым заметил их и подтолкнул локтем Эйвинда: гляди, мол. Сигурд тоже увидел, покачал головой:

– Как бы не увез датчанин девчонку.

– Да она только рада будет, – усмехнулся Ормульв. – Готланд – не остров Хьяр, а Инрик – не простой хирдманн. – И крикнул проходившему мимо Вилфреду: – Смотри, Скала, наша ведунья околдовала твоего сына!

– Красивой да разумной колдовать незачем, – отозвался датский вождь. – На такой и хёвдингу не стыдно жениться.

Эйвинд конунг ничего говорить не стал. И на берег смотреть – тоже.

А Инрик и ведунья неторопливо шли вдоль кромки моря, глядя то по сторонам, то друг на друга. И улыбались, то смущенно, то весело.

– Я бы хотел показать тебе свою страну, – сказал молодой датчанин. – Тебе бы там понравилось, Йорунн.

Девушка только вздохнула, а потом попросила:

– Скажи, могу я завтра перед отплытием попрощаться с рабынями, которых вы повезете в Готланд?

– Что тебе за дело до них? – удивился Инрик.

Йорунн долго смотрела на корабли, на бескрайнее холодное море, а потом перевела взгляд на датчанина:

– Эти словенские девушки – мои подруги. Я была с ними, но Эйвинд конунг дал мне свободу, узнав, что я умею лечить.

– Вот как? – Инрик нахмурился. – Мы с отцом думали, что ты старого Хравна внучка или преемница.

– Нет, – покачала головой Йорунн, – в преемницы я не сгодилась, так Хравн сказал, когда новое имя мне выбирали. А дома меня Любомирой звали. Я родилась в семье ведунов и целителей, и была свободной до нынешней весны, пока люди Эйвинда не пришли в словенские земли.

Инрик выслушал ее, помолчал, потом сказал:

– Приходи завтра утром на берег, простишься с подругами.

– Спасибо тебе, – обрадовалась девушка. Сын вождя улыбнулся, прищурил светлые глаза:

– А хочешь на наш драккар подняться, посмотреть боевой корабль?

Йорунн растерялась, осторожно напомнила:

– Говорят, примета плохая, если женщина на палубу драккара взойдет...

Инрик от души рассмеялся:

– Это верно. Иную не то что к кораблю – к лодке подпускать опасно. Но ты же ведунья. От тебя худого не будет.

Девушка тоже рассмеялась, лукаво прищурилась:

– Я бы пошла, Вилфредссон, да боюсь, вдруг ты тоже решишь увезти меня силой и в трюме запрешь?

Кровь хлынула в лицо молодому датчанину. Он остановился, нахмурился, сжал кулаки:

– Никто еще не упрекал меня в бесчестии!

Сказал, как отрезал. И пошел прочь.

– Инрик, я... – растерянно проговорила девушка, но он не обернулся, не сбавил шаг. – Я не хотела тебя обидеть, Инрик! Пошутить решила, глупая... Прости!

Но Вилфредссон уже не слышал ее слов. Или сделал вид, что не слышит.

Вечером Йорунн позвали ужинать в дружинный дом, и она не посмела отказаться. Датчане поглядывали на ведунью с любопытством, а она без всякого смущения смотрела по сторонам и на любопытные взгляды отвечала улыбкой. Только однажды ее лицо опечалилось – когда она заметила сидящего поодаль Инрика. Но вот сын датского вождя повернулся в ее сторону, увидел девушку... и вдруг улыбнулся в ответ, а потом высоко поднял рог с пивом, давая ведунье понять, что пьет в ее честь. У Йорунн отлегло от сердца: хоть и вспылчив Вилфредссон, да, к счастью, отходчив... А в следующий миг она встретилась взглядом с Эйвиндом, и лицо вождя показалось ей сердитым и хмурым.

«Неужто думает, что я о клятве забыть могу?» – Йорунн опустила глаза и отвернулась, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Взгляд вождя был тяжелым, словно каменная плита, и девушка почувствовала себя нежеланной гостьей, лишней в этом доме, за этим столом. Она посидела еще немного, затем поднялась, поклонилась, поблагодарила за угощение и, сославшись на ведовские заботы, пошла к себе. А по дороге все думала: показалось ей или нет, что Эйвинд конунг воспринял ее уход с радостью?

Как и накануне, Унн отправила словенских девчонок прислуживать за ужином – подносить угощения, разливать пиво, убирать со столов опустевшую или грязную посуду. Только одной в этот вечер не было среди них. Лодин поймал за руку пробежавшую мимо Ярину, спросил:

– А где старшая сестра Сванвид?

– Худо ей, – ответила девушка. – То в жар бросает, то в холод. Унн велела ей остаться в доме, чтобы не расхвораться совсем.

Тогда кормщик взял со стола сладкую медовую лепешку, отдал Ярине и сказал:

– Отнеси ей. И скажи, что завтра утром я приду за ответом.

На рассвете датчане стали собираться в обратный путь. Большой кнорр завели в корабельный сарай, тот, что поменьше, загружали купленными и обменными товарами. Вожди наблюдали за сборами. Вилфред хёвдинг выбрал момент, когда поблизости никого не было, и негромко сказал Эйвинду:

– Поговорить с тобой хочу. С глазу на глаз.

Они вернулись в дружинный дом и прошли в покои Эйвинда конунга. Вилфред окинул взглядом более чем скромное убранство – простую деревянную кровать, украшенную незамысловатыми узорами, растянутый над изголовьем синий плащ с вышитой на нем головой волка – память о Торлейве конунге, сундук, скамью да невысокий стол, на котором стоял све-

тец, наполненный тюленьим жиром. Хёвдинг помолчал, стараясь не думать о том, какие сны приходят к Эйвинду на ложе, где три зимы назад умер его отец. Потом сказал:

– Моему сыну понравилась ваша ведунья, Йорунн. Еще ни на одну девушку он так не смотрел. Знаю, что она не преемница Хравна, потому и завел этот разговор. Отпустишь ли ты ведунью в Готланд, если Инрик попросит Йорунн стать его женой и она согласится? Я не из тех, кто отбирает последнее, поэтому обещаю прислать ей достойную замену. Кого-нибудь из наших ведунов.

– Она свободна, над ней нет моей воли, – хмуро проговорил Эйвинд после долгого молчания. – Захочет уйти – пусть уходит. Держать не стану.

– Ведунья под твоей защитой живет, твоему народу служит, – ответил Вилфред. – Тебе и решать.

Эйвинд поднялся, вышел из покоев, рывком открыл дверь дружинной избы:

– Позовите Йорунн! – велел он, а потом толкнул дверь и сел на хозяйское место возле очага. Вилфред, прищурившись, глянул на него, но промолчал.

Скоро прибежала ведунья, с порога поклонилась вождям.

– Подойди сюда, Йорунн, – сказал Вилфред. – Разговор к тебе есть. Полюбила ты моему сыну, Инрику. Думаю, сама уже догадалась об этом.

Девушка смущенно кивнула.

– Что мне сказать ему, если надумает свататься?

Йорунн бросила взгляд на Эйвинда, но вождь сидел с равнодушным лицом и глядел мимо нее.

– Конунг за тобой слово оставляет. Удерживать не будет.

«Значит, не верит мне». – Девушку словно холодом окатило. От обиды зашипало глаза, но голос ее остался спокоен:

– Не по своей воле попала я на остров Хьяр, но видела лишь добро от Эйвинда конунга и клялась перед богами, что буду беречь живущих в Стейнхейме от недугов и хворей. Не могу я нарушить клятву и отплатить вождю неблагодарностью.

– Если согласишься, мы придем на Хьяр самую лучшую ведунью или ведуна, – пообещал хёвдинг.

Йорунн опустила голову, чувствуя, как колотится в груди сердце. Больше всего ей хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю, чтобы не было нужды отвечать. Вилфред терпеливо ждал. Девушка глубоко вздохнула, подняла голову и посмотрела в глаза датскому вождю:

– Любоой отец гордился бы таким сыном. Инрик умен, благороден, отважен и очень красив. И я буду скучать без Инрика, как... сестра без брата. Не сердись на меня, хёвдинг. Твой сын – не моя судьба.

Вилфред огорченно потерял седеющую бороду. Потом тоже вздохнул:

– Почему-то я знал, что ты так ответишь. Признайся: другому обещана или обетом связана?

– Нет у меня иных обетов, кроме как перед Великой Матерью. И не зовусь я ничьей невестой. Вот и вся правда, – тихо ответила молодая ведунья. Она низко поклонилась хёвдингу, потом повернулась к Эйвинду:

– Могу я идти, вождь?

– Ступай, – негромко сказал он.

Оставшиеся после пира лепешки и сыр Унн собрала словенским девчонкам в дорогу. Каждой дала узелок с чистой одеждой на смену и подарила по деревянному гребню. В последний раз накормила вкусной и сытной кашей и не отправила на берег отмывать котел. Девчонки ходили притихшие, с поникшими головами, и прятали заплаканные глаза. Прощаться всегда тяжело, даже если надеешься на другом берегу встретить лучшую долю.

Лодин пришел, как и обещал, когда солнце поднялось над длинным домом. Весна, увидев его, застыла на месте, не в силах ступить и шагу. Как во сне виделось: вот кормщик подошел к ней, положил тяжелую ладонь на плечо, проговорил:

– Ну, что надумала?

Видимо, она молчала слишком долго. Лодин убрал руку, вздохнул:

– Как хочешь. Неволить не стану.

А Весна смотрела мимо него, на стоящую возле женского дома Зорянку, на спешащего ей навстречу Халльдора, и счастливая улыбка сестры темной болью отозвалась в сердце. Уплыть подальше, за тридевять земель, все равно куда, лишь бы не видеть ее, не слышать и навсегда позабыть. И найдется еще в чуждеальной земле прекрасный молодой хёвдинг, который полюбит ее, даст ей свободу и женой своей назовет...

Но тут Зорянка повернула голову, увидела Весну, Лодина рядом с ней, и по лицу старшей сестрицы сразу же все поняла. Ахнула, схватившись за побелевшие щеки, пошатнулась... Девчонка еще несмышленная, а когда плачет, кажется совсем маленькой и беззащитной. Как такую оставить?

Весна перевела взгляд на Лодина, подошла на полшага ближе, взяла его за руку. Попыталась улыбнуться:

– С тобой остаюсь.

Кормщик полез за пазуху, вытащил две серебряные застёжки для платья, вложил ей в ладонь. Потом ласково коснулся ее волос и проговорил:

– Я буду называть тебя Гудрун.

Перед отплытием датчан молодая ведунья осмотрела плечо Хрёрека, в последний раз сменила повязку и, хотя рана заживала хорошо, посоветовала еще день-другой не садиться грести. Суровый воин в благодарность принес ей яркую цветную ленту для волос. Вот и голову ломать не надо, в чем покрасоваться на празднике!

Инрик сдержал обещание и позволил Йорунн проститься с подругами. Каждую девушка обняла, благословила именем Матери, пожелала, чтобы сжалилась Недоля и отдала судьбы пленниц своей сестре Долюшке. Когда же девушек увели, ведунью подозвал Вилфред хёвдинг. Вождь протянул ей на широкой ладони серебряную цепочку с зеленоватым мерцающим камнем.

– Это тебе, Йорунн, – проговорил датский хёвдинг, и по тому, как улыбнулся стоящий рядом Инрик, девушка поняла, что украшение выбирал он.

– Спасибо вам, – поклонилась она, принимая подарок.

– Не снимай его, – сказал Инрик. – Это не простой камень, а обережный. От любой беды охранит.

Йорунн опустила голову, не в силах смотреть ему в глаза. Хоть сердце и говорило, что она поступила правильно, на душе отчего-то было тяжело.

Жители Стейнхейма вышли провожать датских гостей. Перед тем, как подняться на драккар, Вилфред Скала сказал Эйвинду конунгу:

– Пусть боги будут благосклонны к тебе, Торлейвссон. Спасибо за радушный прием и за выгодный торг. А Асбьерну передай, что в следующий раз я непременно проверю, не разучился ли ярл складывать висы.

– Передам, – рассмеялся Эйвинд.

Вскоре датские корабли покинули остров.

Йорунн сидела у клетки, обняв Снежку за шею. Было ей грустно, а с чего – поди разбери. Может, с того, что все же глянулся ей красавец-датчанин, или с того, что Эйвинд конунг был сердит на нее, а за какую провинность – одним богам ведомо. Подойти да спросить было

боязно, и Йорунн сама себе удивлялась: раньше ведь, не робея, говорила с князьями и с воеводами, и с Инриком, и с его отцом. А уж Вилфред хёвдинг куда как грознее Эйвинда, особенно когда сдвинет густые брови.

Тут и нашла ведунью Ингрид. Пожаловалась, что ниссы снова стали озорничать и досаждают Фрейдис: на этот раз подбросили козых горошков в молоко, которое она надоила.

– Унн говорит, что не духи дома тому виной, а Фрейдис, которая не уследила за козой и вовремя не убрала подойник. – Ингрид вздохнула. – И она очень рассердилась, потому что молоко пришлось вылить.

Йорунн бегом побежала в женский дом, посмотрела на заплаканную Долгождану, на хмурю Унн и сама нахмурилась. Проверила плошку, в которой ставила угощение для ниссов, – та оказалась пустой. Ничего не сказав, молодая ведунья вышла во двор и отправилась за советом к Хравну.

– Дедушка, – взмолилась она, – я все сделала, как ты научил. Почему же духи меня не послушали? Почему угощение взяли, а озоруют по-прежнему?

Старый Хравн задумчиво поглядел на нее, покачал седой головой:

– Ты ведь догадалась уже, что духи тут ни при чем. Человека ищите.

В тот вечер Весна в последний раз ужинала в женском доме с сестрой и подругами. Все ее вещи, уместившиеся в маленький узелок, Унн уже отнесла в покои Лодина – кормщик и после смерти жены спал в дружинном доме отдельно от прочих. Младшие девчонки смотрели на новую Гудрун с восхищением и завистью, и не понимали, отчего словенка сидит за столом молчаливая и бледная.

– Я Лодина знаю давно, он человек надежный и справедливый, – рассказывала Унн. – Не бойся его, он ничем тебя не обидит. Было бы хорошо, если б уже в конце зимы ты родила ему сына. Попроси об этом своих богов.

Девушка еле слышно вздохнула, и сидевшая рядом Йорунн ласково обняла ее за плечи.

– Так испокон веков у нас повелось, что невеста перед свадьбой не радуется, а плачет, – объяснила молодая ведунья. – Прощается со своей семьей, с духами предков, которые с рождения хранили ее. Готовится умереть для прежнего рода, чтобы родиться вновь другим человеком – уже не девушкой, а мужней женой.

– Лить слезы перед брачной ночью глупо, – сказала Арнфрид, – мужу может не понравиться твое опухшее лицо. А вот ваши свадебные песни, говорят, очень красивы, и я бы послушала хотя бы одну.

– И я! И мы! – тут же подхватили Ингрид и Хельга.

Йорунн и Фрейдис переглянулись. Зорянка подседа поближе к сестре, погладила ее по руке, потом достала частый гребень и принялась расплетать-распускать Весне густую русую косу. Первой затянула песню Йорунн, как самая старшая, остальные начали подпевать:

– Вечор тебя, косушку, матушка плела,

Теперь тебя, косушку, взяли расплели.

Живи, родима матушка, живи без меня...

Весна при упоминании о матери всхлипнула и стала негромко причитать:

– Травушки шелковые,

Цветки мои лазоревые!

Уж одна коса у меня была

Да две волюшки,

Две волюшки и обе вольные,

А теперь останутся две косы

Да одна волюшка,

Одна волюшка и та невольная...

Северянки молча слушали, пытаясь угадать, о чем поется в чужеземной обрядовой песне. Руки подруг неторопливо переплетали волосы Весны в две косы, укладывая пряди одну под другую, как принято у замужних. Девушка замолчала, унимая бегущие по щекам слезы, и снова послышалось пение Йорунн, просящей благословения у Великой Матери:

*– Макошь премудрая, Мать Многоликая,
Судьбы Ведница, Веретеница!
Нити кручены, судьбы вручены
Долей доброю дари вдостали,
Недоль отведи, рассей россыпью.*

– Любовь не всегда с первого взгляда видна, – после проговорила молодая ведунья и протянула подруге кружку: – Выпей. Я попросила Мать благословить эту воду, чтобы печаль твоя радостью обернулась.

– Полегчало? – спросила Унн, когда Весна поставила пустую кружку на стол.

– Будто бы...

– Тогда идем. Я провожу тебя к мужу.

В эту ночь Йорунн не спалось. Девушка зажгла светец и принялась перебирать в ларце мешочки с травами, прислушиваясь к дыханию спящего Хравна.

– Как на тебя тот датчанин поглядывал, – пробормотала старая Смэйни. – Красавец, кудри русые, брови черные...

– Красивый, – согласилась девушка. – Знает много, говорит складно.

– Я боялась, увезет тебя, на датскую землю сманит. Да что я – сам Эйвинд конунг опасался. Наказал мне: смотри, нянька, за девкой! Коли станут ее уговаривать, посулы сулить – сразу мне сказывай...

Тут Смэйни поняла, что, кажется, сболтнула лишнее, и нарочито сонно зевнула:

– Ох, устала я сегодня, умаялась... Пойду-ка я спать, внученька. И ты ложись.

К празднику Мидсумар всегда готовили много свежего белого сыра из козьего молока, и, несмотря на недавнюю оплошность, Долгождану снова отправили доить коз. На этот раз она зорко следила за рогатыми озорницами – ни соринки, ни шерстинки не упало в чистый подойник, даже пену сливать не пришлось. Придя в женский дом, девушка аккуратно разлила теплое молоко по глиняным горшкам, оставленным возле очага, плотно накрыла их и вышла ненадолго, чтобы сполоснуть подойник да воды глотнуть – в горле пересохло.

А когда возвращалась, услышала доносящиеся из дома сердитые крики Ольвы и Унн. У Долгожданы сердце обмерло: никогда еще она не слышала столько гнева и ярости в голосе старшей из жен. Неужели снова что-то вытворили злобные духи? Ох, Мать милосердная... только не молоко!

Возле очага стояла разозленная Унн с мокрой тряпкой в руках, а рядом с ней – Ольва, крепко державшая сзади за локти вырывающуюся, растрепанную Лив. Щеки рабыни горели, словно по ним только что хлестнула чья-то ладонь... или скрученная плетью тряпка.

– Вот, полюбуйся, – уже спокойным голосом сказала хозяйка Долгождане, – на нашего духа нечистого, нисса пакостного. Йорунн просила приглядеть за тобой, и я велела Ольве тайно ходить следом да смотреть, что у нас в доме творится. Она и поймала Лив, когда та снова в горшок с молоком козьих горошков подбросила.

– Но зачем? – вырвалось у Долгожданы. Ольва больно дернула провинившуюся рабыню за волосы – отвечай, мол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.